

Рагнар Йонассон — король скандинавского нуара.

Göteborgsposten

РАГНАР
ЙОНАССОН

РАСКОЛ

Книги **Рагнара Йонассона** переведены на **34 языка**
и проданы тиражом **более 3 миллионов экземпляров.**

Рагнар Йонассон

Раскол

Серия «Звезды мирового детектива»
Серия «Сиглуфьордюр», книга 3

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69268108

Рагнар Йонассон. Раскол: Азбука, Азбука-Амтикус; СПб.; 2023

ISBN 978-5-389-23465-9

Аннотация

Поселиться на заброшенной ферме, отрезанной от мира суровой природой, было весьма рискованной затеей: с одной стороны – ледяное северное море, с другой – горы, которые можно одолеть лишь через перевал, засыпанный снегом, и беспроглядная тьма... На старой фотографии, попавшей в руки Ари Тора, полицейского из небольшого исландского городка, остались запечатлены все участники разыгравшейся тут много лет назад трагедии, среди них и молодая женщина, отравленная крысиным ядом... Ари Тор берется пролить свет на эту давнюю историю, но не станет ли она началом новой жизненной драмы?.. Тайны прошлого соединяются с загадками настоящего, а следствие, которое ведет Ари Тор, переплетается с делом о похищении ребенка и расследованием странных убийств в Рейкьявике.

«Раскол» – третий роман в серии об Ари Торе, ставший мировым бестселлером, как и другие произведения Рагнара Йонассона, «короля скандинавского нуара», удостоенного престижных литературных премий и признанного одним из лучших современных писателей, работающих в жанре детектива.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

87

Рагнар Йонассон

Раскол

Ragnar Jónasson

ROF

Copyright © Ragnar Jónasson, 2012

Published by agreement with Copenhagen Literary Agency

ApS, Copenhagen

The Russian language publication of the book was negotiated through Banke, Goumen & Smirnova Literary Agency

All rights reserved

© В. С. Грушевский, перевод, 2023

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2023

Издательство Азбука®

* * *

Рагнар Йонассон – это Стивен Кинг исландской литературы.

She Reads

«Раскол» – леденяще красивая книга. Атмосферная, тонкая, захватывающая...

Bibliophile Book Club

Книги этой серии написаны с элегантностью и тонким умом, которые доставят удовольствие почитателям Агаты Кристи. Это отличный выбор для любителей неторопливых классических детективов...
Crime by the Book

* * *

*Посвящаю эту книгу памяти
Т. Рагнара Йонассона (1913–2003) и Гвюдрун
Рейкдаль (1922–2005),
моих дедушки и бабушки родом из
Сиглуфьордюра*

* * *

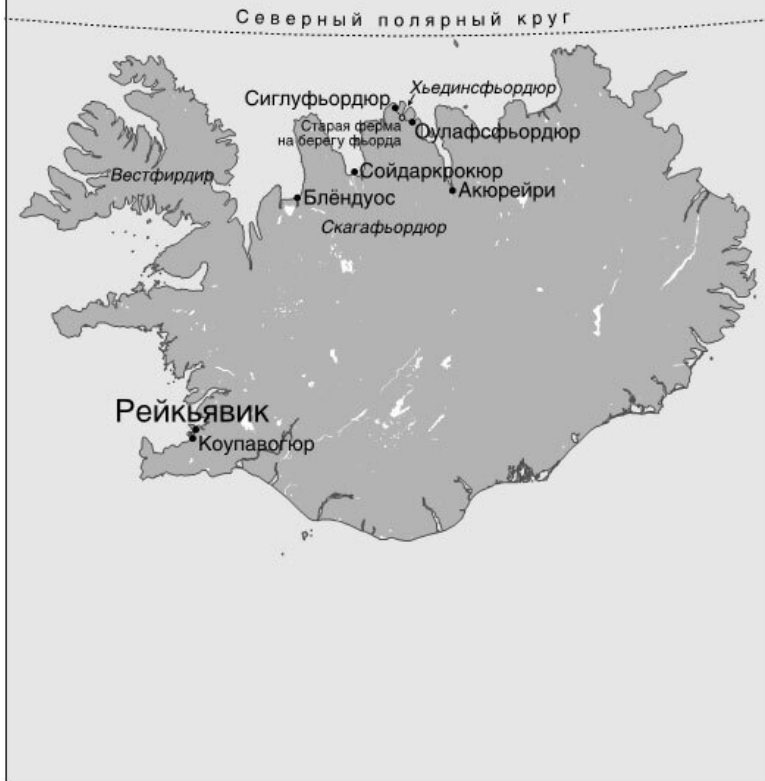
Эта история целиком и полностью вымышленная, и ни один ее персонаж не имеет реального прототипа. Район Хьединсфьордюра¹ необитаем с 1951 года, и рассказ о людях, впоследствии проживавших к западу от лагуны Хьединсфьярдарватн, является плодом воображения автора. Стоит, однако, заметить, что описание путешествия женщины из Кванндалира в Хьединсфьордюр в третьей гла-

¹ Хьединсфьордюр – фьрд на севере Исландии. – Здесь и далее примеч. переводчика.

ве основано на повествовании Торхатлы Хьяульмарсдоуттир о Гвюдрун Тораринсдоуттир и путешествии, которое та совершила осенью 1859 года. Мой дедушка, Т. Рагнар Йонассон, в свою очередь записал рассказ Торхатлы в 1986 году и опубликовал его в своем произведении «Сказки и легенды Сиглуфьордюра», вышедшем в издательстве «Вака-Хельгафетль» в 1996 году. Цитата, предваряющая роман, взята из его же книги «Истории о Сиглуфьордюре», опубликованной тем же издательством годом позднее.

Особую признательность за ценные советы и прочтение рукописи выражаю специалисту по инфекционным заболеваниям Харальдюру Бриему, инспектору полиции Эйрикюру Рапну Рапнсону, прокурору Хюльде Марии Стефаунсдоуттир и доктору Йоуну Гюннлойгюру Йонассону. Ответственность за окончательный вариант, включая любые возможные ошибки, полностью лежит на авторе.

ИСЛАНДИЯ

...Жить в Хьединсфьордюре было совсем не просто, и сообщение с соседними районами было сопряжено с многочисленными трудностями.

Гавани на побережье не имелось, так что зимой добраться туда по морю зачастую не представлялось возможным. Ситуацию усугубляли и снегопады, что обрушивались на окружавшее фьорд высокогорье.

Т. Рагнар Йонассон. Истории о Сиглуфьордюре

* * *

1

Вечер был ничем не примечательным. Роберт проводил его точно так же, как и любой другой вечер, – растянувшись на диване.

Они жили в квартирке на цокольном этаже старого дома в западной части Рейкьявика, на Льюсватлагата. Дом, сооруженный в тридцатые годы двадцатого века, был средним в ряду из трех строений, стоявших, согласно тогдашней моде, стена к стене.

Роберт приподнялся на диване, протер глаза и бросил взгляд в окно гостиной, выходящее в разбитый перед домом крошечный сад. На улице темнело. Был март, так что погоды можно было ждать какой угодно, – например, сейчас накрапывал дождь. Стук капель по стеклу рождал чувство уюта и безопасности.

Занятия шли своим чередом. Несмотря на то что Роберту уже исполнилось двадцать восемь, он учился лишь на первом курсе инженерного факультета. С цифрами он всегда ладил. Чего нельзя сказать о его отношениях с родителями; они оба работали бухгалтерами и жили в другом районе Рейкьявика – Аурбайре. Его общение с ними и раньше-то было непростым, а теперь и вовсе сошло на нет, поскольку Роберт не вписывался в их представление об успешной карьере. Все их попытки заинтересовать сына бухгалтерским делом потерпели крах.

Как бы то ни было, теперь он наконец поступил в университет, но так до сих пор и не удосужился поставить их об этом в известность. Роберт, как мог, старался сосредоточиться на учебе, но в последнее время ему это удавалось далеко не всегда – мыслями он уносился в Вестфирдир². Там у него с товарищами была лодка, и он с нетерпением ждал лета, когда, выйдя на ней в море, он сможет с легкостью обо всем позабыть – о хорошем и в первую очередь о плохом. Покачивание лодки на волнах наполняло его умиротворением – бывали дни, когда только эти морские прогулки и позволяли ему сохранять присутствие духа. В конце марта он намеревался встретиться со своими друзьями в Вестфирдире, чтобы привести лодку в рабочее состояние. Для его товарищей это в некотором роде был лишь повод устроить попойку, но только не для Роберта – он не прикасался к алкоголю уже

² *Вестфирдир* – регион в северо-западной части Исландии.

два года.

Если бы он тогда не остановился, неизвестно, к чему привели бы эти возлияния. А к выпивке Роберт пристрастился после того рокового дня, восемь лет назад.

Тот день не предвещал ничего дурного. Погода была безветренной, и под теплыми лучами вечернего солнца на стадионе собралось довольно много болельщиков. Соперник попался довольно слабый, так что победа была у них почти в кармане. Роберту предстояли тренировки в юношеской сборной, а ближе к концу лета вырисовывалась перспектива попробовать себя в одной из ведущих команд Норвегии. Более того, агент Роберта рассказал ему об интересе, который к нему проявляла одна английская команда – пусть не игравшая в высшей лиге, но все же. Старик гордился им, словно собственным сыном. В свое время он и сам был неплохим футболистом, но построить спортивную карьеру не сумел. У современных спортсменов возможностей появилось гораздо больше.

До конца основного времени оставалось пять минут, когда Роберт завладел мячом. Обходя защитников, он вел мяч к воротам противника, в которых с испуганным выражением лица метался голкипер. Роберта охватило знакомое возбуждение: еще чуть-чуть – и они победят со счетом пять – ноль.

Игрока, который попытался отобрать у него мяч, Ро-

Роберт так и не увидел. Он только услышал хруст ломающейся в трех местах ноги и испытал жесточайшую боль. С трудом ее преодолевая, Роберт опустил глаза и убедился, что перелом открытый.

Эта картина навсегда запечатлелась в его мозгу. О днях, проведенных в больнице, у него оставались лишь туманные воспоминания, однако в память врезались слова врача, что он вряд ли снова сможет играть в футбол – по крайней мере, на профессиональном уровне. Роберт тогда на все плюнул и стал искать утешения на дне бутылки. Глоток за глотком. Вопреки всем прогнозам его восстановление шло довольно успешно, но, как это ни печально, возвращаться к спортивной карьере было уже слишком поздно.

И теперь судьба снова улыбнулась Роберту. У него была Сюнна; маленький Кьяртан тоже занял в его сердце свою нишу. Однако его по-прежнему одолевали неприятные воспоминания, как он ни старался от них избавиться.

Сюнна вернулась домой, когда день клонился к закату. Постучав в окно, она сообщила Роберту, что потеряла ключи. Выглядела она, как всегда, великолепно. На ней были черные джинсы и серая водолазка, черные волосы, длинные и блестящие, обрамляли ее лицо с решительными чертами. В первую очередь Роберта очаровали ее глаза, а вслед за ними и восхитительная фигура – ничего удивительного, ведь Сюнна была танцовщицей. Временами казалось, что она не

ходит, а кружится по квартире в танце. Двигалась она несуетливо и грациозно.

Роберт понимал, что ему крупно повезло с Сюнной. Он познакомился с ней на дне рождения своего друга, и между ними сразу пробежала искра. И вот уже немногим более полугода они были парой, а три месяца назад стали жить вместе.

Войдя в дом, Сюнна включила обогреватель на полную мощность – она была более чувствительна к низкой температуре, чем Роберт.

– На улице такой холод, – сказала Сюнна.

Дома тоже было прохладно: окно в гостиной закрывалось неплотно, так что полностью защититься от сквозняков было проблематично.

Отношения Роберта и Сюнны складывались хорошо, хотя жизнь их была далека от идиллии. От предыдущего брака у Сюнны остался полуторагодовалый сын Кьяртан, за опеку над которым она вела непримиримую борьбу с Бреки, отцом ребенка. Поначалу они договорились о совместной опеке, и как раз сейчас Кьяртан находился у отца.

Сюнна, однако, наняла адвоката и стала отстаивать свое право единолично воспитывать сына. Помимо прочего, она также подумывала поехать в Великобританию, чтобы совершенствоваться там в искусстве танца, хотя дальше их с Робертом разговоров на эту тему дело пока не продвинулось. Бреки подобную перспективу принял в штыки, и все шло к

тому, что разногласия им придется разрешать в суде, где, как считала Сюнна, ее шансы на выигрыш довольно велики.

– Присаживайся, дорогая, – пригласил Роберт. – Я приготовил пасту.

– Умница, – ответила она, уютнее устраиваясь на диване.

Роберт принес из кухни еду, тарелки и стаканы, не забыв захватить кувшин с водой.

– Надеюсь, паста вполне съедобная. Я ведь пока еще не очень искушенный повар.

– Я такая голодная, что съем все, что угодно.

Включив расслабляющую музыку, Роберт уселся рядом с Сюнной. Она стала рассказывать ему, каким был день, как прошла репетиция, а также о том, в каком напряжении она живет. Сюнна была перфекционисткой и не терпела ошибок.

Ее откровения делали атмосферу в гостиной по-особенному приятной. Паста удалась – ничего выдающегося, но довольно вкусно, – и Роберта это радовало.

Внезапно Сюнна поднялась с дивана и, ухватив Роберта за руку, велела:

– Вставай, любовь моя. Потанцуем.

Роберт послушно встал, крепко прижал ее к себе, и они начали двигаться в такт томной южноамериканской балладе. Он скользнул рукой Сюнне под водолазку и, поглаживая ее по спине, воспользовался возможностью, чтобы одним неумовимым движением расстегнуть бюстгальтер. В этом он был мастер.

– Послушай-ка, парень, – сказала Сюнна с нарочитой строгостью и лукавой искоркой в глазах, – что это ты делаешь?

– Мы ведь не упустим случая, раз уж Кьяртан сегодня у отца, – ответил Роберт и запечатлел на ее губах долгий поцелуй.

Они почувствовали, как их накрывает теплой волной, – и дело было не только в том, что температура в гостиной поднималась. Прошло совсем немного времени, прежде чем они оказались в спальне.

По старой привычке Роберт захлопнул дверь и задернул занавески на выходящем в сад окне. Этих мер, однако, было недостаточно для того, чтобы соседи не слышали их сладострастных стонов.

Воцарившаяся в конце концов тишина была нарушена глухими ударами в дверь, которые перемежались со стуком дождевых капель по стеклу. Первая мысль была о том, что стучат в заднюю дверь, как раз в ту, что выходила на крыльцо старого дома.

В то же мгновение Сюнна приподнялась в кровати и с тревогой посмотрела на Роберта. Тот попытался скрыть испуг под маской мужественности, встал с постели и, не заботясь о том, чтобы прикрыть наготу, шагнул в гостиную. Там никого не было.

А вот задняя дверь была открыта и раскачивалась от порывов ветра. Выглянув на крыльцо, Роберт тут же захлопнул

ее: одного быстрого взгляда на улицу было достаточно, чтобы потом не упрекать себя в том, что он этого не сделал. Однако, даже если бы за порогом стоял целый полк солдат, он бы их не разглядел – такая была темнота.

Под стук собственного сердца, которое колотилось все сильнее, он переходил из одной комнаты в другую, но непрощенных гостей не обнаружил. Слава богу, хоть Кьяртана нет дома!

И тут Роберт увидел то, что лишило его сна на остаток ночи.

Он бросился обратно через гостиную к спальне, ужаснувшись внезапной мысли, что, пока он бродит по дому, что-то могло произойти с Сюнной. Почти не дыша, Роберт проскользнул в спальню.

Сюнна сидела на краю кровати, натягивая на себя футболку. Она улыбнулась ему, но в глазах ее была тревога.

– Все в порядке, дорогая, – сказал Роберт слегка дрожащим голосом, надеясь, что Сюнна этого не заметит. – Просто я вчера выносил мусор, а когда зашел обратно в дом, недостаточно плотно захлопнул заднюю дверь, и она осталась незапертой, – солгал он. – Ты ведь знаешь, там, бывает, такой ветрище поднимется. Не вставай – я принесу тебе что-нибудь выпить.

Не теряя времени, Роберт ретировался из спальни, плотно прикрыв за собой дверь, и, пользуясь возможностью, быстрее избавился от того, что его так поразило.

Он надеялся, что принял верное решение, ничего не рассказав Сюнне о мокрых следах, оставленных на полу незваным гостем, который вошел в дом из-под проливного дождя. И хуже всего было то, что следы эти были не только у задней двери, они тянулись до самой спальни.

2

Полицейский из Сиглуфьордюра Ари Тор Арасон и сам не смог бы объяснить, что его сподвигло достать из архива старое дело по просьбе человека, с которым он почти не был знаком, да еще теперь, когда в городке творилась такая су-мятица.

Мужчина, представившийся Хьединном, позвонил Ари незадолго до Рождества, когда оперативный дежурный находился в отпуске в Рейкьявике. Просьба мужчины состояла в том, чтобы Ари, если ему позволит время, разобрался с одним старым делом о гибели молодой женщины. Ари пообещал, что по возможности займется им, однако вплоть до сегодняшнего вечера руки у него до этого не доходили. Он попросил Хьединна зайти в участок – естественно, предварительно удостоверившись, что в последние несколько дней тот не выходил из дома и, соответственно, не мог заразиться. Сам Хьединн отнесся к такому приглашению с определенной опаской: стоит ли ему встречаться с Ари в нынешних обстоятельствах? Однако в конце концов он решил не упус-

кать такой возможности.

Инфекция стала распространяться среди горожан два дня назад по милости путешественника-экстремала из Франции. Сначала он прокатился в Африку, а оттуда направился прямиком в Гренландию, где арендовал самолет, чтобы по-быстрому слетать в Исландию с целью посетить расположенный в Сиглуфьордюре знаменитый Музей селедки. Приземлиться ему разрешили на крошечном аэродроме городка. В Сиглуфьордюре он собирался провести не более суток, но прямо в день прилета путешественник почувствовал резкое недомогание. Все указывало на то, что у него тяжелая форма гриппа, сопровождаемая высокой температурой; его состояние стремительно ухудшалось, и на следующий день мужчина скончался. Опасаясь того, что дело здесь не в банальном гриппе, а в чем-то гораздо более коварном, местные власти связались со специалистом по инфекционным заболеваниям из Рейкьявика. Тот пришел к выводу, что речь идет о геморрагической лихорадке, которую француз, видимо, подхватил в Африке и до поры до времени переносил бессимптомно. Заболевание считалось крайне заразным, так что горемыка, вполне возможно, успел передать его не одному человеку, до того как течение болезни у него самого не приняло крайние формы.

Полицию Сиглуфьордюра уведомили, что эпидемиолог провел встречу в Департаменте общественной безопасности и что в известность о ситуации были поставлены Комитет об-

щественной безопасности Северной Исландии, а также соответствующие надзорные органы за границей. Анализ образца тканей покойного подтвердил, что причиной смерти послужила чрезвычайно опасная вирусная инфекция, и теперь все находились в полном недоумении, что с этими неутешительными выводами делать.

Спустя короткое время после кончины путешественника было принято нетривиальное решение закрыть весь городок на карантин. Соответствующие структуры не пожалели усилий, чтобы установить тех, с кем носитель вируса вступал в контакт, и тщательно продезинфицировать все те места, что он посетил.

Вскоре поползли слухи, что медсестра, дежурившая в ту ночь, тоже заболела. За состоянием женщины пристально наблюдали, а когда в течение дня симптомы ее болезни стали более явными, то поместили в изолятор. А потом связались с теми, кто имел с ней дело, и процедуру обеззараживания пришлось повторить.

На этом, однако, все успокоилось. Медсестра по-прежнему находилась в больнице Сиглуфьордюра, но в случае ухудшения состояния ее планировали перевезти в отделение интенсивной терапии в Рейкьявик. Согласно указаниям полиции, город следовало закрыть на карантин по крайней мере еще на несколько дней.

Жители Сиглуфьордюра пребывали, естественно, в состоянии, близком к панике, которая подогревалась широким

освещением происходящего в прессе, а политики и участники ток-шоу делали особый упор на необходимости избегать каких бы то ни было рисков.

Геморрагическую лихорадку между тем окрестили «французской болезнью», и город словно вымер. Большинство жителей предпочли запереться в своих домах на все замки и общаться с внешним миром исключительно посредством телефона и электронной почты. И никому не приходило в голову перебраться через невидимую стену, которая окружила Сиглуфьордюр. Все учреждения закрылись, а занятия в школе были приостановлены.

Ари чувствовал себя вполне здоровым и надеялся, что инфекция обойдет его стороной, поскольку ни с несчастным путешественником, ни с медсестрой он не имел никаких контактов. То же самое касалось и начальника полиции Сиглуфьордюра Томаса, который вернулся из отпуска и теперь дежурил на пару с Ари Тором.

Ари надеялся, что визит Хьединна даст ему пищу для размышлений на какую-нибудь другую тему, помимо этой проклятой инфекции.

3

– Я родился в Хьединсфьордюре, – сказал посетитель по имени Хьединн. – Вы там бывали?

Они с Ари сидели в буфете полицейского участка, соблю-

дая подобающую социальную дистанцию. Здраваясь, они даже не пожали друг другу руки.

– Проездом, после того как появился туннель, – ответил Ари, ожидая, пока его чай остынет.

Хьединн предпочел кофе.

– Ну да, конечно, – отозвался он тихо.

Внешне Хьединн был сдержан и спокоен, но смотреть прямо в глаза Ари избегал.

– Конечно, – повторил он. – Мало кто останавливается там надолго. Это все тот же безлюдный фьорд, хотя через туннель каждый день проезжает бессчетное количество автомобилей. В свое время такое даже представить себе было невозможно.

Навскидку Ари дал Хьединну лет шестьдесят, и тот почти сразу подтвердил его предположение:

– Родился я в пятьдесят шестом. Мои родители переселились туда примерно годом раньше, когда во фьорде уже никого не осталось. Так что благодаря им те места были обитаемы еще какое-то время. Однако родители оказались в Хьединсфьордюре не одни. Сестра матери со своим мужем тоже туда перебрались. Решили вести там хозяйство.

Хьединн замолчал, осторожно отхлебнул кофе и отправил в рот кусочек кекса, лежавшего в упаковке на столе. Было видно, что он слегка нервничает.

– Значит, у них там была ферма? Или земля? – спросил Ари. – Там красиво.

– Красиво... – эхом отозвался Хьединн, погружаясь в воспоминания. – Именно так. Но это не первое, что приходит мне на ум. Жизнь там никогда не была простой. Вечные снежные заносы и абсолютная оторванность от мира. А еще сходы лавин. Случись что, добраться до соседней фермы было бы нереально, не говоря уже о соседнем городе.

Хьединн нахмурился и для пущей убедительности покачал головой. Телосложения он был плотного и страдал избыточным весом. Его редеющие сальные волосы были зачесаны назад.

– Что касается вашего вопроса... Нет, у родителей не было там фермы. Однако им предложили арендовать пустующую, которая находилась в приличном состоянии. Отец работы не боялся и всегда хотел трудиться на земле. Дом был достаточно большим, чтобы в нем разместились четыре человека: мои родители и тетя с мужем. У того, вообще-то, были определенные финансовые трудности, так что он ухватился за возможность начать все с чистого листа. А через год родился я, и нас стало пятеро... – Хьединн осекся и сдвинул брови, а потом добавил с ноткой волнения: – Ну, тут я не совсем уверен, но я к этому еще вернусь.

Ари его не перебивал, терпеливо ожидая продолжения.

– Вы говорили, что бывали там лишь проездом. Значит, фьорда как такового не видели. То, что вы заметили с новой дороги, – это наверняка лагуна Хьединсфьардарватн. Там есть перешеек под названием Викюрсандюр, который отде-

ляет лагуну от фьорда. А больше с дороги ничего и не разглядеть. Но это не меняет сути дела. Наш дом – вернее, то, что от него осталось, – стоял... да и до сих пор стоит у лагуны. Это единственная постройка к западу от водоема. Он примостился в тени высокой горы, у самого подножия. Поселиться там было со стороны моих родителей чистым безумием. Но они рискнули. Я никогда не сомневался, что такие условия существования – эта гора и крайняя уединенность – и привели к тому, что случилось. Так и рассудка можно лишиться, верно?

Ари потребовалось несколько секунд, чтобы удостовериться, что Хьединн ждет ответа на свой вопрос.

– Ну да, – пробормотал он. Его собственные воспоминания о первой зиме в Сиглуфьордюре тоже были ужасными, но наверняка это и в сравнение не шло с тем, что было в Хьединсфьордюре. – Вам, конечно, виднее. Как вы там жили?

– Я? Бог с вами, я же ничегошеньки не помню. Мы уехали оттуда после... после того, что произошло. Мне едва год исполнился. Родители почти не говорили о тамошней жизни, что, в общем-то, и понятно... Хотя, наверно, было в ней и что-то хорошее. Вот мама, например, рассказывала, что я родился в замечательный день в конце мая. Произведя меня на свет, она спустилась к лагуне и, глядя на абсолютно неподвижную гладь воды, в которой отражались солнечные лучи, решила, что назовет меня Хьединном. А вот о зимних месяцах родители вспоминать не любили, – правда, отец ино-

гда говорил, насколько опасными могут быть горы в зимней тьме.

Ари стало немного не по себе. Он помнил, какое гнетущее впечатление произвели на него горы в Сиглуфьордюре, когда он оказался в этом богом забытом месте два с половиной года назад. Неприятное ощущение замкнутого пространства до сих пор его тревожило, хотя ему и не хотелось себе в этом признаваться.

– Добираться из Хьединсфьордюра до Сиглуфьордюра или Оулафсфьордюра было непростой задачей, – продолжал Хьединн. – Разумнее всего было переправляться морем, ну, или, как вариант, пешком, например через горный перевал Хестскард, спускаясь к Сиглуфьордюру. Рассказывают, что в девятнадцатом веке какая-то женщина с одной из ферм в Кванндалире отправилась в сторону Хьединсфьордюра за хворостом и преодолела весьма трудный путь – под осыпью на восточной стороне фьорда. Ко всему прочему, она была беременна, а кроме того, несла еще и совсем маленького ребенка – так что все возможно, было бы желание. – Он улыбнулся. – У этой истории конец оказался хорошим. Чего не скажешь о моей. Наш дом стоял как раз недалеко от того места, где спускаются к Хьединсфьордюру, когда идут туда из Сиглуфьордюра через перевал. Теперь тем путем ходят разве что из спортивного интереса. Времена изменились, да и люди тоже. Моих родителей уже нет. Сначала не стало матери, а потом и отца, – вздохнул Хьединн и замолчал.

– А они тоже умерли, – нарушил тишину Ари, – ваша тетя и ее муж?

Хьединн смутился, а потом спросил:

– Так вы не слышали о том, что произошло?

– Нет, не припоминаю.

– Простите... Я-то полагал, что вам это известно. Когда-то все об этом знали. Однако со временем все забывается – все-таки больше полувека прошло. Даже самые ужасные события в конце концов стираются из памяти. К тому же никому до сих пор неясно, был ли это добровольный уход из жизни или все же убийство...

– Вот оно как? И кто же умер? – спросил Ари с нарастающим любопытством.

– Моя тетя. Она выпила яд.

– Яд? – Ари слегка передернуло.

– Да, в ее вечерний кофе было что-то подмешано. Врач добирался до места целую вечность. Окажись он там раньше, тетя, возможно, и осталась бы жива. Однако, вероятно, она прекрасно понимала, что помощь не подоспее. – Голос Хьединна зазвучал еще более скорбно. – Следствие пришло к выводу, что это несчастный случай. Якобы она по ошибке насыпала себе в кофе крысиного яда вместо сахара. По мне, так это полная чушь.

– Значит, вы думаете, что ее кто-то отравил? – спросил Ари, который давно отказался от попыток облекать неудобные вопросы в красивую форму. Хотя особо щепетильным

он никогда и не был.

– Но это же самое вероятное объяснение. А подозревать можно лишь троих человек. Ее мужа и моих родителей. Тень этого подозрения постоянно висела над нашей семьей, хотя чаще всего говорили, что тетя сама наложила на себя руки. Теперь же о том случае люди со мной почти не заговаривают. Когда тети не стало, мы опять поселились в Сиглуфьордюре, а ее муж уехал в Рейкьявик, где и жил до конца своих дней. Мать с отцом никогда со мной этой темы не затрагивали, да я и сам не выпытывал у них подробностей – человеку ведь несвойственно подозревать собственных родителей в чем-то плохом. Но меня постоянно точил червь сомнения. В моей голове сосуществовали две гипотезы: тетя либо совершила самоубийство, либо ее убил муж. Такое случалось не раз – мужья убивали своих жен и наоборот, – со вздохом заключил Хьединн.

– Полагаю, вы понимаете, каким будет мой следующий вопрос? – спросил Ари озабоченно.

– Да, – отозвался Хьединн и после короткой паузы продолжил: – Вы хотите знать, почему я вдруг решил копаться в этой истории столько лет спустя, верно?

Ари кивнул. Он собрался было сделать глоток чая, который остывал перед ним на столе, но вдруг остановился при мысли о крысином яде в кофе несчастной женщины.

– Тут есть своя подоплека. – Сложив руки, Хьединн задумался в поисках нужных слов. – Во-первых, скажу без оби-

няков: я позвонил вам перед Рождеством, потому что знал, что вы приехали на смену Томасу. Он знает эту местность и все, что с ней связано, как свои пять пальцев. А я надеялся, что вы сможете взглянуть на те события свежим взглядом. Хотя я немного удивлен, конечно, что вы о них вообще ничего не слышали. Но есть и другая причина. Один мой знакомый, что живет в Рейкьявике, осенью присутствовал на встрече уроженцев Сиглуфьордюра. У них был так называемый вечер фотографий.

– Что, простите?

– Вечер фотографий, – повторил Хьединн. – Когда на экран проецируются старые снимки, сделанные в наших краях. Это такое развлечение. Интрига в том, смогут ли присутствующие узнать людей на фото. А имена тех, кого узнают, вносятся в особый список. Таким образом память о прежних обитателях города продолжает жить.

– Так на этом вечере что-то произошло? – спросил Ари.

– Да. Мой приятель позвонил мне сразу же по его окончании. Его внимание привлекла одна фотография.

В голосе Хьединна вдруг появился какой-то новый, мрачный оттенок, заставивший Ари вслушиваться в его слова с еще большим интересом.

– Снимок был сделан в Хьединсфьордюре, прямо перед нашим домом.

Наступила пауза, во время которой Хьединн слегка дрожащей рукой поднес чашку ко рту и сделал глоток кофе.

– До того как умерла моя тетя, посреди зимы – всюду лежал снег, но день был ясный.

У Ари снова возникло все то же неприятное ощущение, и он предпринял очередную попытку отогнать его от себя.

Хьединн продолжал:

– А вот на самом фото никакого позитива. Мы стоим на нем впятером – мне там, полагаю, несколько месяцев.

– Хорошо, – отозвался Ари. – Но что же странного в такой семейной фотографии?

– В этом-то и суть, – ответил Хьединн, уставившись в чашку, а потом резко поднял глаза и посмотрел Ари прямо в лицо. – На фото были мои родители и тетя. Ее муж, Мариус, видимо, и сделал снимок – я так предполагаю.

– Вот как? А кто же пятый? – спросил Ари, почувствовав, как у него по спине пробежал холодок. Ему даже стало не по себе при мысли, что сейчас Хьединн заявит ему, что на фотографии запечатлен призрак.

– Какой-то паренек, которого я никогда раньше не видел. Он стоит в самом центре снимка и держит на руках меня. Короче говоря, никто из тех, кто присутствовал на вечере фотографий, понятия не имел, кто этот человек. – Хьединн тяжело вздохнул и добавил: – Кто он такой и что с ним стало? Может, это он виноват в смерти тети?

Роберт налил молока в тарелку с хлопьями. После бессонной ночи он чувствовал себя абсолютно разбитым. А вот сидевшая напротив него за кухонным столом Сюнна, казалось, прекрасно выпалась. Звуковым фоном их завтрака служили последние известия, которых этим мартовским утром было не много, как мог судить Роберт, – не считая, конечно, сообщений о вспышке вирусного заболевания в Сиглуфьордюре, – ночью там скончался еще один человек. Роберт почувствовал легкую тревогу, надеясь, что распространение вируса все же удастся остановить на начальном этапе. Однако в данный момент его мысли занимали гораздо более насущные проблемы.

Их дом, такой прекрасный и чистый, теперь, казалось, запятнан и даже осквернен проникновением незваного гостя прошлой ночью. Кто же это был? Может, он – или она – подглядывал через окно спальни за тем, как они с Сюнной занимаются любовью, а потом решил пробраться в квартиру? Возможно ли, что это просто какой-нибудь жалкий вуайерист, или за ночным происшествием стоит что-то более серьезное? Задняя дверь была заперта – Роберт не сомневался в этом ни секунды.

Еще и Сюнна ключи потеряла! А потеряла ли она их? Может, ключи у нее украли, чтобы проникнуть в их с Робертом

жилище? Вопросы крутились и множились у него в голове. Или все-таки кто-то подобрал ключи на улице? Лучше бы так. В любом случае ясно одно: первое, что нужно сделать, – это вызвать мастера, который заменит все замки в доме.

Роберт протянул руку к радиоприемнику и выключил его. Некоторое время в кухне царила тишина, нарушаемая лишь шумом дождя за окном – непогода разыгралась не на шутку.

Наконец Роберт, стараясь не выдать голосом своей обеспокоенности, спросил:

– Ты ключи так и не нашла? Ты говорила вчера, что потеряла их.

– Я и сама удивляюсь, – ответила Сюнна, поднимая глаза от газеты, которую она в тот момент читала. – Ума не приложу, куда они запропастились. Они совершенно точно были на месте, пока я вчера репетировала, лежали у меня в кармане пальто. Я повесила его в гардеробе. Может, кто-то шарил у меня в карманах? Это мог сделать кто угодно. Но из гардероба никогда ничего не крали.

– Кто угодно? – переспросил Роберт.

– Ну... в общем, да.

– И даже кто-то посторонний?

– Да, – отозвалась Сюнна, не отводя взгляда. – А почему ты спрашиваешь? Что-то не так?

Роберт выдавил из себя улыбку:

– Да нет, все в порядке, дорогая. В полном порядке. Я просто подумал... – Он осекся, но все же закончил фразу: – Я

просто подумал, что надо бы заменить замки. Так, на всякий случай.

– А это не перебор? – удивилась Сюнна. – Ключи обязательно найдутся.

– Ну, ты ведь знаешь, какой я... подозрительный. А вообще, давно пора это сделать. Ключи проворачиваются в замках уже не так свободно.

– Даже так? А я и не замечала... – Сюнна поднялась из-за стола и посмотрела на часы. – Поступай, как считаешь нужным. А я уже опаздываю.

В дверях кухни она оглянулась:

– Днем будешь дома?

Роберту, вообще-то, нужно было на лекцию, но он решил, что выйдет из дома не раньше, чем мастер поменяет все замки. Он вовсе не солгал Сюнне, когда сказал ей о своей врожденной подозрительности.

– Да, буду дома, – ответил он ровным голосом.

– Бреки приведет Кьяртана... Ты встреть их, если я вдруг задержусь, – произнесла она колеблясь.

Бреки, отца мальчика, Роберт терпеть не мог.

– Конечно, – кивнул он и, прежде чем Сюнна успела выйти из кухни, добавил: – Послушай, дорогая... Он что, так и не оставляет тебя в покое?

– Бреки?

– Да. Ты же помнишь, что говорил адвокат... Тебе нельзя вступать с ним сейчас ни в какие споры. Теперь все ваше об-

щение должно вестись через юристов. Он тебе что, звонил?

– Нет, – ответила Сюнна. – Да ты не беспокойся из-за Бреки. Я сама с ним разберусь, – улыбнулась она.

5

Усевшись на свое место в самолете, который должен был унести ее обратно домой, в Рейкьявик, Исрун почувствовала, как от страха у нее засосало под ложечкой. Перелет до Фарерских островов она перенесла более-менее сносно, а вот когда самолет стал заходить на посадку, буквально лавируя между вздымающимися к небу горами, у нее по телу побежали мурашки. Она попробовала закрыть глаза, но легче ей от этого не стало: снижаясь, самолет вошел в зону турбулентности, от чего воображение Исрун разыгралось не на шутку, и у нее перед глазами замелькали ужасающие картины возможных последствий неудачной посадки. Прощаясь с ней, стюард выразил надежду, что полет ей понравился, хотя наверняка заметил, какая она бледная.

– Ну да, – ответила Исрун, слегка запинаясь. – Если, конечно, не считать посадки...

– Да что вы? – удивился стюард. – Сегодня-то как раз все прошло наилучшим образом – благоприятные условия и лишь небольшая турбулентность.

Тем не менее Исрун очень надеялась, что взлет с этого крошечного аэродрома окажется менее неприятным, чем по-

садка. Потуже затянув ремень безопасности, Исрун мысленно вернулась к нескольким дням своего пребывания на Фарерских островах. Она прилетела сюда не для того, чтобы развеяться, – как раз наоборот. Исрун испытывала самые теплые чувства к этой стране и ее народу и неоднократно бывала здесь с родителями. Однако в этот раз Исрун путешествовала в одиночестве – она оказалась тут, чтобы встретиться с матерью.

Мать Исрун, Анна, родилась на Фарерах в семье рыбака. Родители Анны уже умерли, но на островах у нее остались две сестры, с которыми она поддерживала хорошие отношения. Сама Анна переехала в Исландию, когда ей было чуть больше двадцати, познакомившись с исландцем Орри, который работал водителем на Фарерах. Работа эта была временной – лишь на одно лето. Анна всегда рассказывала Исрун, что влюбилась в ее отца с первого взгляда. Даже не успев пожениться, пара выстроила себе дом в Коупавогюре, недалеко от столицы; позднее, правда, они переехали в Рейкьявик, в район Граварвогур, – и Анна поступила на филфак в университет, а через несколько лет родилась Исрун.

Орри продолжал работать шофером – он крутил баранку и на грузовиках, и на автобусах, – а Анна, получив диплом о высшем образовании, открыла небольшой издательский бизнес. Изначально она поставила перед собой цель познакомить исландского читателя с произведениями фарерской литературы. Однако, опубликовав несколько переводов, Ан-

на расширила поле своей деятельности и стала заниматься также изданием детской литературы, в чем достигла известных успехов. В последние несколько лет в издательстве Анны стали выходить и путеводители, которые продавались, как горячие пирожки.

Путеводители обеспечивали Анне и Орри безбедное существование, а вот прочности их браку не прибавили. Нежданно-негаданно у Орри возникла идея поменять сферу деятельности и затеять туристический бизнес. Он воображал, как будет лопатой грести валюту, которой за его услуги станут расплачиваться иностранные туристы. Кроме того, он намеревался воспользоваться путеводителями Анны для саморекламы. Он приобрел микроавтобус, а потом его автопарк пополнился еще одной машиной. Именно она и стала каплей, переполнившей чашу. Анна, которой вскоре исполнялось шестьдесят, собиралась отойти от дел и подыскала покупателя, готового выложить за ее издательский бизнес кругленькую сумму. Хотя Орри был старше жены на семь лет, он и слышать не хотел о том, чтобы сворачивать свою деятельность, и в штыки принял решение Анны продать издательство. На свою беду Исрун стала свидетельницей сцены, во время которой разногласия родителей достигли наивысшей точки.

– Я купил автобус, – как бы невзначай сообщил отец, отправляя в рот очередной кусок стейка, приготовленного на ужин в то воскресенье.

– У тебя ведь уже есть автобус, – простодушно заметила Исрун.

– Есть, но я купил еще один – заказал из Германии.

– Еще один автобус?! – выпалила Анна, безуспешно пытаясь в присутствии дочери не дать вырваться наружу своему возмущению.

Она уставилась на мужа, а тот как ни в чем не бывало продолжал:

– Цена была очень выгодная, и пробег всего-то сто тысяч. Еще и с кондиционером, – с гордостью добавил Орри.

Слово «кондиционер» он произнес на английском, которым овладел, пока год жил в Штатах в начале восьмидесятых.

– И какова же цена? – поинтересовалась Анна.

– Он очень быстро окупится, – оставил ее вопрос без ответа Орри. – Я все рассчитал. Сейчас такой сумасшедший спрос на туры по Золотому кольцу³. Это просто эльдорадо! – Он сконфуженно улыбнулся.

– Но разве мы не собирались сбавить обороты? – спросила Анна, но ответа не удостоилась, и разговор сошел на нет. Однако спор наверняка разгорелся с новой силой после того, как ушла Исрун.

И вот два месяца спустя Анна уехала. И не куда-нибудь, а за границу – на Фареры, где поселилась в большом доме одной из своих сестер, предварительно продав издательство.

³ Золотое кольцо – популярный туристический маршрут в Южной Исландии.

Тем временем Орри прилагал все усилия, чтобы его турбизнес оставался на плаву, но Исрун считала, что он поставил себе слишком высокую планку. Кроме того, без поддержки Анны он был уже не тем энергичным Орри – отъезд жены лишил его энтузиазма.

Исрун решила во что бы то ни стало убедить мать вернуться домой в Исландию, для чего воспользовалась отгулами на работе и полетела на Фарерские острова. Затея была, конечно, совершенно бесперспективная, но в последнее время Исрун имела склонность поддаваться спонтанным порывам. Прошло больше полутора лет с тех пор, как она обратилась к врачам, подозревая, что унаследовала болезнь, которая приводит к образованию различных опухолей и когда-то давным-давно унесла жизнь ее бабушки. Обнаруженная у Исрун опухоль оказалась доброкачественной, но доктор предупредил о необходимости быть готовой к тому, что болезнь может в любой момент пойти по гораздо менее благоприятному сценарию. Тем не менее он посоветовал Исрун не терять оптимизма, и она пыталась жить так, будто ничего не случилось, и никому не рассказывала о своих проблемах со здоровьем – даже собственным родителям. Правда, мысль поделиться неприятной новостью с матерью ее все же посещала – вдруг это убедит Анну вернуться в Исландию? Однако Исрун почти сразу отказалась от этой идеи, посчитав, что поступила бы несправедливо по отношению ко всем, кого такое положение вещей могло затронуть. Плюс ко всему

разлад между родителями лишь добавлял напряжения, которого ей с лихвой хватало на работе. Врач рекомендовал Исрун не пренебрегать физическими упражнениями, правильно питаться и избегать стресса. Особый упор он сделал на то, что ей следовало бы распрощаться с журналистикой. Но Исрун сразу отмела этот совет.

– Уж лучше умереть, – не задумываясь, выпалила она и мгновенно поняла, насколько неуместна ее реплика.

Истина заключалась в том, что она обожала скорость и азарт, сопряженные с работой в СМИ. Еще будучи студенткой, Исрун с перерывами работала в отделе новостей на телевидении, и ей это очень нравилось. Там у нее сложился круг друзей из числа коллег, но были и недоброжелатели. Например, сотрудник отдела по имени Ивар. Исрун была на сто процентов уверена, что он плетет интриги, чтобы выжить ее из коллектива. Поскольку Ивар регулярно выполнял функции выпускающего редактора, Исрун чаще всего приходилось работать под его началом, и именно он решал, какие задания ей поручать. Задания эти были в большинстве своем пустяковыми, но все изменилось прошлым летом. Исрун получила журналистскую премию за подробнейшее освещение торговли людьми в Исландии, чем заслужила расположение главного редактора Марии, а позиции Ивара заметно ослабли. Исрун не сомневалась, что последний намеревался в будущем сам занять место главного редактора (должность, о которой, надо сказать, мечтала и Исрун), так что меньше

всего Ивару хотелось восстанавливать против себя Марию, и он стал обходиться с Исрун более любезно, хотя, как всем было очевидно, ему это претило.

Поездка на Фареры закончилась полным фиаско. Мать ничуть не уступала ей в упрямстве и была полна решимости оставаться там, где находится, – по крайней мере, пока. А Исрун пожалела о времени и деньгах, потраченных на путешествие, но, несмотря на это, дала себе зарок бывать на островах чаще. Она не поддерживала контактов со своими родственниками со стороны матери и почти не говорила по-фарерски, имея весьма поверхностные знания о стране и живущих там людях, так что ей было за себя даже немного неловко.

– Просто наши с папой пути разошлись, доченька, – сказала Анна. – На данный момент, по крайней мере. А дальше – посмотрим.

Затем она задала вопрос, который ожидала услышать Исрун:

– Это он тебя сюда прислал?

– С чего ты взяла? Я что, не могу приехать к тебе в гости просто так?

– Прости... Можешь, конечно, – ответила Анна смущенно.

– У папы сейчас дела не очень... – продолжила Исрун.

– А я его предупреждала. Придется ему теперь самому все расхлебывать. У нас достаточно денег... на достойную жизнь

на пенсии. А этот его турбизнес слишком дорого обходится.

– Но вы же не позволите каким-то туристам разрушить брак длиною в несколько десятков лет?

– Все не так просто. Меня стали раздражать всякие мелочи – да и папу тоже. Его ничто не интересовало, кроме работы – естественно, кроме этих его злополучных автобусов. А я хотела наслаждаться жизнью: путешествовать, копаться в саду, ходить на концерты, в театр... Ему до всего этого не было дела. Я даже почитать перед сном не могла – весь свет должен быть погашен, как только он ложился спать. Мы устали друг от друга. Брак – совсем не вечный праздник. Ты и сама это когда-нибудь поймешь, – тонко намекнула Анна на отсутствие мужчины в жизни Исрун.

Последние романтические отношения у нее закончились уже довольно давно. Свою роль тут сыграла и ее болезнь, и тот факт, что ей с трудом удалось восстановиться после одного серьезного испытания, которое ей пришлось пройти. Так что заниматься поисками жениха у нее не было ни времени, ни сил.

Перелет с Фарерских островов прошел гладко, и прямо из аэропорта Исрун поехала на работу. Она переступила порог отдела новостей за считанные минуты до начала своей смены.

– Исрун! – окрикнул ее выпускающий редактор Ивар, бросая взгляд на настенные часы.

Она направилась к нему, стараясь, чтобы на лице у нее не дрогнул ни один мускул. Пасовать перед Иваром ей бы-

ло никак нельзя – ведь это не его полку украшал почетный трофей обладателя журналистской премии, и им обоим было это известно, но что еще важнее, это было известно главному редактору Марии.

Исрун глядела на Ивара, не произнося ни слова.

– У тебя ведь смены в ближайшие дни, верно? – наконец спросил он после неловкого молчания.

– Да, – ответила Исрун, не поведя бровью.

– Я могу тебе поручить отслеживать ситуацию в Сиглуфьордюре? Я имею в виду этот смертельный вирус. Ты ведь там была прошлым летом, так?

Исрун действительно ездила на север в связи с проводившимся там расследованием убийства, и эта поездка даже зарядила ее энергией, которая помогала ей справляться с болезнью.

– Без проблем. – Не удостоив Ивара улыбкой, она села за свой рабочий стол, включила компьютер и нашла там номер телефона полиции Сиглуфьордюра.

6

Томас пришел на работу в семь; на смене был Ари. В первые утренние часы поступила информация, что состояние медсестры значительно ухудшилось, а потом и о том, что она скончалась, не дотянув до отделения интенсивной терапии в Рейкьявике.

Созвали срочное совещание с руководителями больницы, эпидемиологом и представителями Управления общественной безопасности – совещание было, разумеется, селекторным. Ни о каких других способах общения не могло быть и речи – никому не хотелось становиться следующей жертвой вируса. Томас, конечно, пытался создать впечатление, что он полностью владеет ситуацией и что работа для него важнее, чем собственное здоровье. Но на самом деле это было далеко не так – он как черт лаdana боялся этого проклятого вируса и насколько возможно избегал любых контактов.

Томасу нужно было подготовить пресс-релиз о кончине медсестры. Вся страна – с безопасного расстояния – наблюдала за положением дел в Сиглуфьордюре. Жители городка и те, кто волею судеб там оказался, будто превратились в подопытных животных, накрепко запертых в стеклянной клетке, которую никто не испытывал желания открыть. Пресс-релиз был чистой формальностью, поскольку трагическая весть уже и так успела распространиться: о смерти медсестры сообщили в утренних выпусках новостей задолго до того, как Томас уселся перед компьютером. Однако основной целью пресс-релиза было не оповещение о печальной участи медсестры, а попытка успокоить местное население и заверить жителей других регионов, что инфекцию удалось локализовать. Томас надеялся, что так оно и было.

Физически Томас чувствовал себя хорошо – вирус обошел его стороной. Однако он испытывал некоторую уста-

лость: они с Ари дежурили по очереди, поскольку в участ-ке требовалось чье-либо присутствие в любое время дня и ночи. Было объявлено о вакансии на должность третьего по-лицейского, однако в свете сложившихся обстоятельств про-цесс отбора застопорился. К счастью, в участке имелась ви-давшая виды раскладушка, на которую можно было прилечь во время ночной смены.

Томас не так давно вернулся из длительного отпуска – он целых три месяца провел в Рейкьявике, где его жена учи-лась на факультете искусствоведения. Ему, конечно, хоте-лось, чтобы она была рядом, но сейчас он был рад, что же-на находится вне зоны досягаемости вируса. Она жила в небольшой съемной квартире недалеко от Исландского уни-верситета и чувствовала себя там очень уютно. Это она пред-ложила Томасу приехать в Рейкьявик – хотя бы на некото-рое время. Если бы ему там понравилось, они могли бы по-пытаться продать свой довольно-таки большой дом в Сиглу-фьордюре и купить квартиру в столице. Прошло много вре-мени, прежде чем Томас решился на поездку; естественно, он скучал по жене, да и разогретая в микроволновке еда по-рядком ему надоела. И вот, совершив долгий переезд с се-вера на юг, он оказался на пороге рейкьявикского жилища своей супруги. Было время ужина, и она его ждала, однако в тесной квартирке находилось чересчур много людей – од-нокурсников, как объяснила жена. Два молодых человека и девушка – все гораздо моложе Томаса. Они сидели на потер-

том синем диване у знавшего лучшие времена журнального столика, когда в комнату вошел Томас и смущенно их поприветствовал. На столике теснились бокалы с красным вином, а рядом красовалась наполовину опорожненная бутылка, возле которой стояла еще одна – уже пустая.

– Выпьешь вина? – спросила жена.

Томас покачал головой и сказал, что приляжет после долгой дороги. Он-то надеялся, что жена выпроводит гостей как можно скорее, но какое там – они болтали чуть ли не до двух ночи. Томас ворочался с боку на бок в крошечной спальне в ожидании ухода однокурсников жены, чувствуя себя заключенным в одиночной камере. На кровати едва помещался один человек – она совсем не была рассчитана на супружескую пару. Оказалось, что жена думала предоставить кровать ему, а сама укладывалась бы на диван или просто спала на матрасе. А потом, задержись Томас дольше, чем на три месяца, они купили бы кровать побольше. Томас, однако, предложил ей спать на кровати, а сам устраивался на ночь на диване.

Лиха беда начало, думал Томас, но ничего не менялось: друзья жены могли нагрянуть к ним в любое время, и вся ее жизнь вертелась вокруг лекций и экзаменов – иной раз она сидела за книгами до рассвета. Томасу не удалось подружиться с ее сокурсниками, да он и особых усилий для этого не прикладывал. Бывало, жена проводила целый вечер в библиотеке, а он в гордом одиночестве сидел дома, ощущая

полнейший душевный разлад и удивляясь, как жена, будучи всего на несколько лет моложе его, может вести такое хаотичное существование.

Однако к концу своего пребывания в Рейкьявике Томас уверился в одном: другого мужчины жена себе не нашла. Она просто наслаждалась своей новой жизнью. Томас осознал то, о чем окружающие – их друзья и знакомые – наверняка уже давно догадывались: их с женой отношения сходят на нет.

Момент был самый неподходящий – если вообще существовали подходящие моменты для расставания с юношеской любовью, – Томас все никак не мог оправиться от шока, в который его прошлым летом повергло самоубийство его коллеги-полицейского. В довершение всех бед в тот трагический вечер получил ножевое ранение и Ари. Слава богу, жизненно важные органы оказались не затронуты, хотя рана была нешуточная. Было проведено расследование, и все свидетели утверждали, что речь идет о несчастном случае. Вероятно, так оно и было, но Томас не сомневался, что там не все так просто; возможно, между Ари и их коллегой, который размахивал ножом, произошла потасовка. Дело закрыли, и Томас делал вид, что ничего не случилось. Он ни разу не обсуждал трагедию с Ари – не хотел вынуждать того лгать.

Теперь Томас старался с головой уйти в работу, чтобы не думать о своем разваливающемся браке. Он должен был обеспечивать непрерывное поступление продовольствия в Сиглуфьордюр; и с этой задачей он справлялся довольно

успешно, хотя она была не из простых. Немногие водители отваживались привозить продукты в городок: в их воображении он был буквально пропитан смертоносным вирусом, так что они просто выгружали товар у въезда в один из туннелей, что вели в Сиглуфьордюр. В свою очередь, жители городка не горели желанием выходить из дома, да и охотников стоять на кассе в продуктовом магазине было днем с огнем не найти, поэтому директору пришлось взять на себя прием заказов и их доставку на дом покупателям. Томасу и самому приходилось пользоваться этой услугой: он платил через виртуальный кошелек – и в тот же день пакет с продуктами оказывался у него перед дверью.

Томас как раз собирался позвонить директору продуктового магазина, когда на его столе ожил телефон. Звонила молодая тележурналистка Исрун – та самая, со шрамом на щеке. Ее имя было на слуху с тех пор, как прошлым летом в соседнем Скагафьордюре, у горячего источника Греттислэйг, обнаружили труп мужчины. Исрун оказалась первым репортером на месте трагедии.

Она хотела получить информацию о состоянии дел в городке, где вирус уже унес две жизни. Томасу было недосуг беседовать с журналисткой, поэтому он записал ее номер на желтом стикере, пообещав, что перезвонит. Стикер он прилепил на экран компьютера Ари – пусть парень разбирается с докучливыми медийщиками, когда вечером заступит на дежурство.

Роберт вздрогнул.

Неужели кто-то постучал в окно?

Он приподнялся на диване. Кроме него, в квартире никого не было, – по крайней мере, он на это надеялся. Гулявший по комнате сквозняк вернул его к реальности: ну конечно! Он же уснул прямо у открытого окна.

Роберт бросил взгляд на висевшие на стене часы – почти полдень. Его знобило, появился насморк, а в горле першило – он явно подхватил простуду.

Вдруг снова раздался стук, громкий и настойчивый. Теперь это уже точно не сон, стук был вполне реальным.

Роберт резко оглянулся, и его словно парализовало: через окно на него смотрел какой-то незнакомец. Несколько мгновений Роберт не мог даже пошевелиться. Вообще-то, он был не робкого десятка, но события прошедшей ночи отразились на его нервах не лучшим образом.

Потом он вспомнил, что ожидал мастера, который заменит в доме замки.

Выйдя из оцепенения, Роберт кивнул стоявшему под дождем мужчине и, вскочив с дивана, поспешил в прихожую, чтобы пустить того в квартиру. Мастер оказался человеком среднего возраста с трехдневной щетиной и зализанными назад волосами, так что дождь мало повлиял на его причес-

ку.

– Я пробовал звонить в дверь, – сказал он извиняющимся тоном. – А потом решил постучать в окно и заглянуть внутрь. Подумал, вдруг и дома никого нет?.. Совсем не хотелось прокатиться впустую – я ведь из Мосфедльсбайра приехал, семнадцать километров как-никак.

– Входите-входите, – все еще окончательно не проснувшись, ответил Роберт, протирая глаза. – Простите, звонок такой тихий, что я ничего не слышал; честно говоря, спал.

Мастер вытер ноги о коврик в прихожей, но обувь снимать явно не собирался.

– Так в чем проблема? Замок заело?

– Ну, не совсем. У нас потерялся ключ, так что я хотел бы, чтобы вы заменили замок здесь и на задней двери. На всякий случай.

Мастер кивнул – он наверняка слышал подобное объяснение не впервые – и сразу взялся за работу.

Роберт приготовил себе кофе и уселся с чашкой в руках у стола на кухне. Он хотел покончить со своей простудой в самом начале и сделал первый глоток горячего дымящегося напитка. Но единственное, в чем он преуспел, так это в том, что обжег язык. Как же он устал! Ему и так было трудно засыпать по ночам, а тут еще этот незванный гость... Роберт не думал, что ему будет настолько тяжело привыкнуть к некоторым обстоятельствами своего прошлого.

– Хотите, я вам еще цепочку для надежности привинчу? –

раздался из прихожей голос мастера.

Роберт на пару мгновений задумался, тем не менее ответил утвердительно, хотя и не без колебаний. Ему было досадно расписываться в собственном бессилии обеспечить безопасность своей семье.

Мастер справился с поставленной задачей быстрее, чем ожидал Роберт. Когда тот ушел, Роберт снова решил прилечь, на этот раз не преминув задернуть все занавески и закрыть обе двери на цепочку. Хотя если кому-нибудь взбредет в голову проникнуть в дом, применив грубую силу, от цепочки вряд ли будет толк. Роберта не покидало неприятное ощущение, что за ним кто-то наблюдает. Он лег на диван и попытался отогнать неприятные мысли, но это оказалось совсем не просто.

Уснуть ему так и не удалось, и спустя полчаса тишину нарушил звонок в дверь. В этот раз Роберт услышал его очень ясно.

Открывать он не спешил, уверенный, что теперь явился Бреки, будь он неладен, и привел Къяртана, их с Сюнной сына. Роберту никогда не нравился Бреки, хотя особых попыток познакомиться с ним поближе он и не предпринимал.

– Вы с ним чем-то похожи, – как-то сказала Сюнна.

Роберт понимал, на что она намекает. Сам он никогда никому не уступал и догадывался, что и Бреки из того же теста.

Роберт отворил дверь ровно настолько, насколько позволяла цепочка, и выглянул за порог. После этого он снова за-

крыл дверь и снял цепочку.

– Здравствуй, – поприветствовал он Бреки без тени радушия.

Они оба были высокого роста – под два метра. Бреки сверкал бритым черепом и был обладателем неухоженной бороды и на редкость больших глаз. Кивнув Роберту, он протянул ему свою гигантскую ладонь, смахивавшую на медвежью лапу.

Роберт сделал вид, что не заметил его жеста.

Другой рукой Бреки держал детское автомобильное сиденье, на котором мирно посапывал Кьяртан, укутанный от дождя и коварного холода в теплую одежду.

– Сюнна дома? – пробурчал Бреки, окидывая взглядом окружающую обстановку.

– Она на работе, – ответил Роберт, забирая у него сиденье и ставя его на пол.

Бреки лишь пожал плечами, развернулся и направился в сторону зеленого с ржавчиной пикапа, который оставил посреди узкой дороги.

– Послушай, – окликнул его Роберт, шмыгая носом – с простудой кофе не справился. – Послушай-ка, – повторил он. – Чем это ты тут занимался вчера ночью?

Роберт пристально наблюдал за реакцией Бреки. Тот обернулся и в недоумении уставился на него; глаза его, казалось, вот-вот вылезут из орбит.

– Ты, вообще, о чем? Вчера ночью меня тут не было.

Роберт выжидал – пока этого было достаточно.

– А мне показалось, что я тебя видел, – наконец проговорил он и захлопнул дверь.

Роберт опасался, что произведенный им шум разбудит ребенка, но тот продолжал спать как ни в чем не бывало. Роберт подождал, пока Бреки отъедет на своей зеленой развалюхе, а потом осторожно достал мальчика из автомобильного сиденья и переложил в коляску, которая стояла в коридоре. После этого, не забыв сунуть в карман новые ключи, вышел на дождливую улицу.

Пройдя несколько метров, он остановился и почти неосознанно оглянулся. Позади никого не было, но воспоминание о ночном визитере преследовало его, как призрак.

8

Ари заступил в ночную смену. Выспаться днем у него не получилось, так что усталость давала о себе знать.

Делать было нечего. Может, ему все-таки удастся подремать этой ночью дома? С телефоном под рукой, разумеется. Ему, вообще-то, нужно было позвонить этой корреспондентке из Рейкьявика, но она наверняка уже вернулась с работы домой, так что с этим можно и подождать. Кроме того, ему следовало связаться с больницей и эпидемиологом, чтобы получить последнюю информацию, как развивается ситуация. Второй смертельный случай вызвал среди населения

настоящую панику: симптомы убитой вирусом медсестры – от рвоты до внутреннего и наружного кровотечения – широко обсуждались в СМИ. Никому не хотелось быть следующим в печальном списке жертв коварной болезни. Из бесед с главврачом выяснилось, что персонал больницы находится в полном смятении, несмотря на строгие меры, принятые для сдерживания вируса-убийцы, а тот факт, что речь идет о завезенном заболевании, наводил еще больше ужаса.

После смерти медсестры репортеры всех мастей словно соревновались, у кого лучше получится пощекотать нервы и без того перепуганным людям, в то время как власти пытались убедить общественность, будто все могло быть гораздо печальнее и можно считать настоящей победой, что заразившихся не оказалось больше.

Однако был у Ари и повод для радости: в отношениях с Кристиной, его бывшей девушкой, появились явные признаки улучшения. Они уже давно расстались, когда он нанес Кристине неожиданный визит в Акюрейри⁴ – как оказалось, лишь для того, чтобы обнаружить в ее доме другого мужчину. В порыве жгучей ревности Ари вступил с ним в потасовку, в результате которой получил ножевое ранение. Ари взял всю вину на себя, и странным образом это происшествие снова сблизило его с Кристиной.

А потом, в начале января, раздался телефонный звонок, который опять все спутал. Это случилось в самый неподхо-

⁴ *Акюрейри* – город на севере Исландии.

дящий момент и лишь усилило воздействие, которое оказывала на Ари повсюду царившая в этом зимнем месяце беспросветная мгла.

– Алло, это... Ари? – раздался женский голос на другом конце провода.

Звонок застал Ари в полицейском участке.

– Да, – коротко ответил он, не узнав голоса. Личные звонки на работу были редкостью. Первая мысль, что у него промелькнула, заключалась в том, что звонит какая-то жалобщица, недовольная его работой. Если б так оно и было!

– Может, ты уже не помнишь меня, – после небольшой паузы продолжила женщина. – Мы познакомились в Блэндюусе.

Дальше она могла и не продолжать. Ари словно обухом по голове ударили, – конечно, он вспомнил ее, хотя это воспоминание было очень размытым, что немудрено, если учесть, сколько он выпил в тот вечер на сельской дискотеке в Блэндюусе. Закончилось веселье тем, что он оказался в постели с рыжеволосой девушкой, которая сейчас ему и звонила. Это произошло той осенью, когда он расстался с Кристиной.

– Да-да, – только и смог он пробормотать.

– Нам нужно поговорить. – Она снова помолчала, а потом заговорила вновь: – У меня, вообще-то, была еще одна связь, когда мы познакомились, но в тот момент те отношения стояли на паузе... Ну, в общем, после того, как мы с тобой... Выяснилось, что я беременна.

Именно этих слов опасался Ари – и они прозвучали.

– А... ты считаешь, что отец я? – выдавил он из себя.

– Подозреваю, что да. Хотя я не уверена на сто процентов. Я уже рассталась с тем парнем. Сначала я сказала ему, что ребенок его, но потом призналась, что это неточно. И мы почти сразу разбежались. Нужно провести тест, чтобы убедиться окончательно.

Терзаемый сомнениями, Ари все же понимал, что от теста ему не отвертеться. Не ведь он может взять да и послать ее подальше! Перед тем как положить трубку, он спросил:

– Это мальчик или девочка?

– Мальчик, – ответила она не без материнской гордости. – Ему семь месяцев. Может, хочешь с ним познакомиться?

Ари не нашелся с ответом сразу, но потом все же произнес:

– Да нет... Лучше, наверно, сначала все выяснить.

Когда их разговор завершился, Ари испытывал всю палитру чувств – от тревоги до воодушевления. И как ему теперь рассказать об этом Кристине? Для себя он решил никогда не ставить ее в известность о той случайной связи, – в конце концов, тогда они уже не были парой, так что Кристины его любовное похождение в Блэндюусе никак не касается. После этого рокового звонка Ари решил было оставить Кристину в блаженном неведении – пусть никакая туча не омрачает их отношений... Но ведь в один прекрасный день эта туча может снова выплыть и обрушиться на них дождем горькой

правды. Поэтому Ари, собравшись с духом, выложил Кристине все как есть. Это было непросто, но Кристина восприняла новость лучше, чем он ожидал.

– Никакой уверенности, что отец ребенка – ты, нет, – сказала она.

– Хотя это не исключено, – заметил Ари.

– Ну и поговорим, когда будет о чем говорить, – ласково произнесла Кристина.

От Ари, однако, не укрылась нотка беспокойства в этой простой фразе, но он сделал вид, что не заметил ее. Так было проще всего.

Кровь на анализ взяли у Ари, его предполагаемого сына и бывшего жениха той девушки. Поскольку у последнего была та же группа крови, что и у Ари, пришлось провести тест ДНК, результатов которого теперь все и ждали, – и ожидание продолжалось уже два месяца.

Оживший на его столе телефон вывел Ари из задумчивости. Звонила местная старушка, которой было хорошо за восемьдесят, но жила она тем не менее одна. Она извинилась за беспокойство и пожаловалась, что целый день не может дозвониться до продуктового магазина, а ей требуется кое-какой провиант: рыбное филе, немного сыворотки и ржаного хлеба и, конечно, молоко для себя и любимого котика. Ари пообещал, что все уладит, – директор магазина, видимо, совсем выбился из сил.

Попрощавшись с пожилой женщиной, Ари решил вос-

пользоваться временным затишьем, чтобы еще раз изучить содержимое папки с документами о давнем происшествии в Хьединсфьордюре. «Ничего не обещаю», – предупредил он Хьединна, который просил его разобраться с этим делом и постараться идентифицировать изображенного на фотографии подростка. Ари попробовал найти среди полицейских отчетов хоть какую-то информацию, которая касалась бы того случая, но все было тщетно; поэтому единственное, что ему оставалось, – это воспользоваться тем скудным набором материалов, которые передал ему Хьединн.

Черно-белая, слегка потускневшая фотография лежала на самом верху небольшой стопки бумаг. На оборотной стороне снимка кто-то – видимо, Хьединн – написал имена изображенных на нем людей, исключая, разумеется, паренька. Они стояли на крыльце приземистого дома каменной кладки. Крайняя слева – Йоурюнн, тетя Хьединна, которой, по подсчетам Ари, было на тот момент лет двадцать пять; впоследствии она скончалась от отравления. «Она и представить себе не могла, как мало ей остается жить, когда их фотографировали», – подумал Ари. Сказать точно, сколько времени прошло с момента, когда был сделан снимок, и до смерти Йоурюнн в марте 1957 года, было сложно. Снежные заносы говорили о том, что дело было зимой, но в этих северных широтах снегопады бывают и осенью, и весной. Хьединну на фотографии можно было дать несколько месяцев от роду, – во всяком случае, он уже точно не был новорожденным. Зна-

чит, по всей видимости, снимок был сделан осенью или зимой на стыке пятьдесят шестого и пятьдесят седьмого годов. Выражение лица у Йоурюнн серьезное; короткие темные волосы; одета в толстый шерстяной свитер и куртку. Взгляд направлен не в объектив фотоаппарата, а опущен к земле.

Рядом с ней стоит тот самый паренек. На вид совершенно обычный подросток, однако после рассказа Хьединна воспринимать его таким у Ари уже не получалось. Он скорее представлялся ему человеком, оказавшимся не в том месте и не в то время – непрошеным гостем, который непонятным образом попал в объектив, а потом бесследно исчез. По словам Хьединна, на вечере фотографий этого парня никто не признал, а это говорило о том, что он родом не из Сиглуфьордюра. На снимке ему было четырнадцать-пятнадцать лет. Значит, теперь ему около семидесяти – если он еще, конечно, жив. Самым странным Ари казался тот факт, что именно он держит на руках младенца. Но раз так, значит в семье он не чужой. Одет в рабочий комбинезон, а большие глаза широко открыты, будто он вознамерился затянуть взглядом и фотоаппарат, и самого фотографа. Плотные сомкнутые губы, точеный нос, непослушные волосы торчат во все стороны. У завернутого в шерстяное одеяло младенца на голове теплая шапка. Парень прижимает его к груди. Бок о бок с этим таинственным персонажем стоит отец Хьединна, а рядом с ним – крайняя справа – его мать. Гвюдмюндюру, отцу Хьединна, около тридцати лет, он высок и явно не по

погоде одет – в рабочие штаны и клетчатую рубашку. На лице, черты которого словно высечены из камня, застыло горделивое выражение, глаза прячутся за круглыми очками в тонкой оправе. Кажется, в момент съемки настроение у него было не лучшее.

Мать Хьединна, Гвюдфинна, так же как и ее сестра, уперлась взглядом в землю. Они очень похожи, хотя телосложение у Гвюдфинны более изящное и по возрасту она старше сестры – на фото ей около тридцати. Выражение лица мрачное. Да и вообще, от снимка веет какой-то безрадостностью, нет и намека на то, что люди, изображенные на нем, испытывают хоть малейшее удовольствие от жизни. Единственное светлое пятно – невинный младенец на руках у парня. Только вокруг него нет ауры гнетущей остальных печали.

Ари снова и снова всматривался в их лица – Йоурюнн, парня и малыша Хьединна у него на руках, супругов Гвюдмюндюра и Гвюдфинны. Ари обратил внимание на то, что никто на снимке не смотрит прямо в объектив, кроме таинственного подростка. Обе женщины рассматривают снег у себя под ногами, а странноватые очки Гвюдмюндюра полностью скрывают его глаза. Какой же секрет кроется в этой фотографии?

Ари стал перебирать газетные вырезки, которые также лежали в папке. Всего их было три и относились они к тому времени, когда бульварной прессы и бесконечного потока интернет-новостей и в помине не было. Две заметки – одна

из газеты «Моргюнблад», а другая из «Висир» – были примерно одного содержания. Сообщалось, что женщина около двадцати пяти лет скончалась от отравления ядом на ферме в Хьединсфьордюре. Это известие появилось в прессе лишь через неделю после случившегося и, вероятно, опиралось на данные, полученные от полиции. Утверждалось, что речь идет о несчастном случае, а имя пострадавшей так и не было упомянуто.

Третья вырезка была из газеты, которая выходила в Сиглуфьордюре раз в неделю, и в ней трагической кончине женщины из Хьединсфьордюра было уделено несколько большее внимание, хотя по сути статья мало чем отличалась от заметок в общенациональных газетах. В этот раз, правда, имя погибшей все-таки приводилось. Статья сопровождалась снимком заснеженного Хьединсфьордюра: в центре фотографии был запечатлен дом, в котором произошла трагедия; как и рассказывал Хьединн, дом был зажат между горами и лагуной. Глядя на этот пейзаж, Ари почувствовал, как его охватывает беспокойство, подобное тому, что овладело им, когда он слушал рассказ Хьединна. Уединенность фермы в окружении всепоглощающей тьмы ощущалась почти физически. У Ари даже появился соблазн немедленно отправиться в Хьединсфьордюр через новый туннель, чтобы своими глазами увидеть развалины фермерского дома, да и вообще узнать, что там творится, на берегу этого заброшенного фьорда. Хотя благодаря туннелю не такое уж это теперь

и захолустье. Однако сознательность Ари одержала верх – позволить себе нарушить строгий запрет на выезд за пределы города он не мог, даже если речь шла о поездке в безлюдную местность поздним вечером.

Снова раздалась трель телефона.

На этот раз звонил Томас. Значит, он все-таки не лег спать после дневной смены, как того требовал здравый смысл. Ари немало беспокоил тот факт, что Томас постоянно не высыпается.

– Как дела, профессор? – спросил Томас устало.

В последнее время он взял привычку названивать Ари, когда тот дежурил в ночную смену, и справляться об обстановке. Хотя, скорее всего, ему было просто не с кем поболтать.

– В общем неплохо, – протянул Ари.

– Ты мне, естественно, позвонишь, если что.

– Естественно. Пока не забыл... Где у нас хранятся старые отчеты? – поинтересовался Ари.

– А... насколько старые? – спросил Томас, не скрывая удивления.

– Ну, примерно пятидесятилетней давности. Года так с пятьдесят седьмого.

– Чего?.. Зачем это они тебе понадобились? – озадаченно произнес Томас.

Почему бы не расспросить Томаса о том случае? В конце концов, никаких обещаний сохранять секретность Ари не давал.

– Я тут изучаю материалы одного старого дела. Так, в свободное время.

– Вот как?

– Да, речь идет о женщине, которая скончалась в Хьединсфьордюре, приняв яд. Помнишь об этом случае?

– Я, разумеется, о нем слышал, но, когда это произошло, я был ребенком. И с Хьединном я неплохо знаком, он там родился. Это его тетка умерла.

– Ну да, он звонил зимой, когда ты был в Рейкьявике. А вчера мы с ним встречались. Он собрал кое-какие вырезки из газет и попросил разобраться с тем делом получше. Я обещал, что попробую. Потом тебе подробнее расскажу, – заключил Ари неожиданно решительным тоном.

– Вот оно что? Опять Хьединн роется в прошлом – такая уж у него натура пытливая. Он ведь здесь учителем довольно долго работал. Думаю, завтра смогу раздобыть тебе эти отчеты.

– А кроме Хьединна, об этой истории кто-нибудь знает? – спросил Ари.

Немного помолчав, Томас сказал:

– Может, пастор. Отец Эггерт. Историю Хьединсфьордюра он знает как свои пять пальцев. Загляни к нему. Заодно и о теологии побеседуете.

– А как же, – бросил Ари.

Он-то думал, что шуточки о его бесславном провале на ниве изучения теологии иссякли. Со своим предназначени-

ем в жизни он определился только с третьей попытки – если, конечно, и в этот раз не ошибся. Сначала Ари некоторое время изучал философию, потом – теологию, но в результате забросил и то и другое.

– Да, кстати, – продолжил Томас, – ты журналистке-то позвонил? Это та Исрун, что занимается всеми полицейскими новостями.

– Черт, вылетело из головы, – вздохнул Ари.

Это было почти правдой – он действительно забыл о желтом стикере с номером телефона Исрун, хотя и осознанно отложил это дело на потом, когда заступил на дежурство.

Едва закончив разговор с Томасом, он набрал номер журналистки. Она ответила после третьего гудка.

– Да! – резко прозвучал ее голос.

– Это Исрун? – спросил Ари.

Новости он смотрел редко, тем не менее знал, кто она такая; ему приходилось видеть ее репортажи с места преступлений. Кроме того, он читал интервью с Исрун в воскресном приложении одной газеты, после того как ее наградили за журналистское расследование торговли людьми в Скагафьордюре. Годом ранее Ари с Томасом тоже привлекались к расследованию этого дела. На щеке у Исрун был шрам: насколько Ари помнил из ее откровенного интервью, кто-то случайно пролил на нее кипящий кофе, когда она только родилась.

– Верно, – ответила она настороженно. – А с кем я разго-

вариваю?

– Меня зовут Ари. Я из полиции Сиглуфьордюра. Мне оставили сообщение, чтобы я вам перезвонил.

– Не прошло и полгода, – с сарказмом заметила Исрун. – Может, телефонные линии там у вас на севере тоже подхватили вирус?

– У нас тут все жители сидят за семью замками, лишь бы не заразиться. Только мы, полицейские, и ходим на работу, – резко сказал Ари. – Но я рад, что есть хоть кто-то, кто может шутить по этому поводу.

– Ну что вы... Простите, – спохватилась Исрун. – Не хотела вас обидеть. Мне просто нужно было выяснить, как у вас обстоят дела, перед тем как выпускать в эфир репортаж в вечерних новостях. Безусловно, завтра мы снова вернемся к этой теме, так что буду вам благодарна за любую информацию.

Ари все еще не справился с раздражением, поэтому высказался с большей откровенностью, чем того требовала ситуация:

– Дела обстоят, прямо скажем, паршиво. Мы-то всегда на посту, но где гарантия, что нам удастся избежать этой заразы и не отдать концы? Вот так и обстоят дела.

Исрун явно не ожидала такого ответа.

– Да-да, я понимаю. Не знаю, что и сказать... – Однако она тут же продолжила, что Ари не удивило: такая опытная журналистка вряд ли когда-нибудь окажется в ситуации, что

не сможет подобрать слова. – Я хотела бы подготовить более развернутый сюжет на эту тему для нашего расширенного выпуска, который выходит во второй половине недели. Мы можем завтра записать с вами интервью?

– Мне придется переговорить с начальством, – отрезал Ари, мысленно снимая шляпу перед Исрун за то, что его довольно грубое обращение не выбило ее из колеи. – Вероятно, это можно осуществить.

– Отлично, – бодро отреагировала Исрун. – Значит, до завтра.

9

Снорри Этлертссон снимал небольшую квартиру на цокольном этаже в столичном районе Тингхольт у престарелой вдовы. Последней было глубоко за восемьдесят, и проживала она в том же доме. Квартира, которую она теперь сдавала Снорри, с пятидесятих годов прошлого века использовалась в качестве приемной ее мужа-психиатра. Поэтому, когда Снорри становилось скучно, он разыгрывал в своем воображении диалоги, которые могли когда-то происходить в этих стенах, примеряя на себя роль приходивших сюда пациентов и пытаясь проникнуться их тревогой и болью.

По его мнению, это получалось у него неплохо – фантазией он обладал незаурядной. Да и грош цена такому деятелю искусств, в том числе и музыканту, каковым являлся Снор-

ри, который не может похвастаться творческой жилкой и богатым воображением.

Снорри сидел в полутьме у синтезатора, пытаясь сложить новую мелодию, однако сосредоточиться ему не удавалось – слишком велико было волнение из-за предстоящей вечером встречи с представителем звукозаписывающей фирмы. Наконец-то после всех испытаний, бесчисленных концертов в захудалых пабах, где слушателей было раз-два и обчелся, попыток получить эфир на радиостанциях, появилась хоть какая-то надежда. Когда Снорри все-таки позвонили, он почувствовал себя на седьмом небе от счастья, а сегодня ему предстоит сделать следующий шаг на пути к подписанию контракта на запись пластинки.

До сих пор в его короткой жизни не было особых поводов для гордости, но теперь ему ужасно хотелось с кем-нибудь поделиться прекрасными новостями. Например, с родителями... Нет, наверное, это все же не самая хорошая идея.

Его отец, Этлерт Сноррасон, в недалеком прошлом известный политик, имел за плечами годы успешной работы в парламенте и министерском кресле. Этлерт пользовался почетом как у своих соратников, так и у оппонентов, однако стать премьер-министром – а это, как прекрасно знал Снорри, являлось его самым амбициозным планом – ему так и не удалось. Два с небольшим года назад казалось, что его мечта вполне осуществима: грянувший тогда финансовый кризис привел к тому, что было принято решение создать на-

родное правительство с участием всех политических партий. Не требовалось быть ясновидящим, чтобы предсказать, кому, скорее всего, достанется должность премьер-министра. За долгие годы в политике Этлерт сумел сохранить непрерываемый авторитет, да и опыта у него было побольше, чем у других парламентариев. Соцопросы неизменно показывали высокую степень доверия к нему простых граждан, но самое главное – ему доверяли и его коллеги-депутаты.

Родители Снорри хлебнули немало горя из-за разгульного образа жизни, который сын вел несколько лет кряду, все глубже погружаясь в трясину пьянства. В определенный момент Снорри совсем распоясался, увлекшись еще и тяжелыми наркотиками. Это происходило как раз тогда, когда его отец был в шаге от воплощения своей заветной мечты занять должность главы правительства. По милости Снорри надежда Этлерта лопнула, как мыльный пузырь, и он отошел от дел «по семейным обстоятельствам». Истинные причины его отставки достоянием гласности так и не стали.

Клара, мать Снорри, за всю жизнь не работала ни дня, однако что касается политической карьеры мужа, то тут все нити были в ее руках. Снорри не сомневался, что своим успехом на поприще государственной службы отец в немалой степени обязан прозорливости и решительности Клары. Поэтому, когда политическое восхождение Этлерта так резко оборвалось, разочарованию его супруги не было предела – она лелеяла мечту о премьерстве мужа едва ли не больше,

чем он сам.

Реакция Клары была жесткой: сын будто перестал для нее существовать. В тех редких случаях, когда он звонил, она отказывалась с ним разговаривать, и в родительском доме Снорри не принимали уже больше двух лет. Он полагал, что Этлерт был бы рад повидать его, но в их семье всем железной рукой заправляла Клара.

Снорри и в голову не пришло бы последовать примеру отца: он считал, что в политике можно достичь каких-то высот, лишь будучи жестокосердным. Поведение Клары по отношению к нему являлось ярким тому доказательством.

Отцу не удалось занять кресло премьер-министра. Ну и что с того? Что это, черт возьми, меняет? Он все равно сделал успешную карьеру, ничем себя не запятнав, а должность главы правительства досталась представителю его же партии – Мартейнну, безусловному «наследному принцу» и другу детства Снорри, Мартейнну, который всегда был дорогим гостем в их доме. Кроме того, партия одержала убедительную победу на следующих выборах, а Мартейнн сохранил за собой должность премьер-министра. Неизвестно еще, хватило бы у отца сил участвовать в очередной избирательной кампании и добился бы он того же успеха, что и Мартейнн. Так что, может, все и к лучшему.

Однако совесть не давала Снорри покоя: всё эти чертовы наркотики! Всё из-за них...

А может, ему поговорить с Нанной?

Они иногда общались, но у Нанны, его сестры, вечно не хватало времени. Она пыталась поддерживать отношения с братом, однако ее муж был от этого не в восторге. Однажды Снорри случайно столкнулся с Нанной и ее благоверным на улице, и они лишь перекинулись парой слов, а потом, отойдя на несколько шагов, Снорри расслышал реплику свояка, явно предназначенную для его ушей. Сукин сын полагал, что им стоит держаться подальше от «этого нарика» – ради детей, как тот выразился. На самом деле Снорри уже давно завязал с наркотиками, и его карьера музыканта вот-вот должна была выйти на качественно новый уровень.

Открыв ноутбук, Снорри написал сестре сообщение, поинтересовавшись, как у нее дела, а также похвастался тем, что звукозаписывающая фирма, возможно, предложит ему контракт. «Встречаюсь с ними сегодня вечером – в Коупавогюре⁵, кстати. Там все и решится», – писал он. Как раз в Коупавогюре, в отдельном доме, и жила Нанна. «В студии буду думать о вас, надеюсь, это дело у меня выгорит». Потом, без особой искренности, добавил: «Привет твоим домашним». К своим племянникам, впрочем, он питал самые нежные чувства, хотя и виделся с ними крайне редко.

Было бы неплохо поделиться новостями и с Мартейнном – посидеть с ним за чашкой кофе, вспомнить былые времена. Но теперь это что-то из области фантастики – попробуй договориться о встрече с премьер-министром! Очевидно, их

⁵ *Коупавогюр* – город в столичном регионе Исландии.

дороги в жизни разошлись. Стартовали они примерно одинаково, но потом Снорри связался с дурной компанией, в то время как Мартейнн никогда не терял из виду своей главной цели – состояться в политике. Его расчетливости Снорри мог только позавидовать. Однако надо отдать ему должное: он никогда не отворачивался от Снорри – даже в самые темные недели и месяцы, когда тот опускался на самое дно, превратившись в законченного наркомана. В тот период Мартейнн регулярно справлялся о делах Снорри, но, будучи политиком, все-таки держал определенную дистанцию и не встречался с другом в общественных местах, хотя и не делал из их дружбы секрета. В те судьбоносные февральские дни два года назад, когда было сформировано народное правительство, Мартейнн еще больше отдалился от Снорри. Председателю правительства страны – даже такой маленькой – не пристало иметь друзей, подобных Снорри, хотя последний и приложил все усилия, чтобы выбраться из порочного круга: прошел курс лечения – за что должен был благодарить свою сестру – и больше не прикасался к выпивке, а впоследствии вернулся к своему любимому делу – музыке.

Было начало десятого. Снорри уже заказал такси – своего автомобиля он не имел, а ехать ему предстояло в студию где-то на Смидьовегюр. Его ждали там в девять тридцать.

Снорри испытывал некоторое беспокойство – все-таки центр города был ему привычнее, но уж обратно он как-нибудь сам доберется.

Перед выходом на улицу Снорри посмотрел на свое отражение в зеркале, чтобы лишний раз убедиться, что выглядит презентабельно. «Вроде ничего», – подумал он, проведя рукой по волосам, которые начали редеть раньше срока.

Сунув диск со своей музыкой в карман черного пальто, он выскользнул в темноту и стал дожидаться такси на углу дома под проливным дождем, из-за которого в тот вечер на улицу никто и носа не показывал. Снорри смотрел, как дождевые капли громко шлепаются в огромные лужи, и у него в голове зазвучал мотив какого-то классического произведения – прекрасного вальса, автора которого он не помнил, – возможно, это был один из Штраусов.

Такси вывернуло из-за угла, едва не обдав Снорри фонтаном брызг, – к счастью, он вовремя отскочил назад.

Ну что ж, вечер начинался удачно.

10

Хотя было уже далеко за полночь, уснуть Роберт не мог.

Вечером никаких неожиданностей не случилось – жизнь шла своим чередом. Кьяртан уснул, а Сюнна, вернувшись с работы, казалась совершенно беззаботной. За ужином – они ели восхитительную речную форель – Роберт рассказал ей, что приходил мастер и поменял замки. Улыбнувшись, она лишь кивнула.

– А с Бреки, когда он привел Кьяртана, ты не повздорил? –

спросила Сюнна.

– Нет, конечно, – солгал он.

Уставшая после репетиции, Сюнна рано легла спать.

А Роберт все никак не мог сомкнуть глаз – и не только из-за вчерашнего посетителя. Его снова терзал старый кошмар, который уже вроде оставил его в покое, а теперь вот снова вернулся.

Лежа в постели, Роберт перевел взгляд с мирно посапывающей Сюнны на потолок. Кьяртан крепко спал у себя в детской, откуда не доносилось ни звука.

Роберт решил, однако, на всякий случай заглянуть в комнату ребенка, расположенную в конце коридора. Покой их дома был нарушен, и Роберт все никак не мог с этим смириться.

Тихонько поднявшись с постели, он направился к детской, стараясь ни на что не наткнуться в темноте. Дверь была полуоткрыта, но лежал ли ребенок в постели, Роберт разглядеть не мог. Внезапно его охватило ощущение, что мальчика в комнате нет, и он бросился к детской кровати.

Кьяртан мирно спал в своей постели, и Роберт испытал невероятное облегчение. Все, слава богу, в порядке.

На цыпочках он вернулся в спальню. И в тот самый момент Роберт услышал какой-то звук за окном.

Занавески были задернуты, так что Роберту оставалось полагаться лишь на свой слух. Ну да, на улице действительно кто-то есть.

Бросив взгляд на крепко спящую Сюнну, Роберт подошел к окну, осторожно отодвинул занавеску и выглянул наружу.

Он не сомневался, что кого-то увидит, но все же испытал немалое удивление.

Посреди сада стояла одетая в черное фигура. На ней было некое подобие плаща с наброшенным на опущенную голову капюшоном, а лицо она – или он – прикрывала руками.

Роберт словно к месту прирос – его сердце на мгновение остановилось, а потом снова заколотилось с бешеной скоростью. Единственное, что он испытывал в тот момент, был неопиcуемый ужас.

Он невольно закрыл глаза, пытаясь убедить себя, что воображение сыграло с ним злую шутку, а когда снова их открыл, фигура в черном по-прежнему стояла за окном.

Роберту показалось, что она смотрит на него в упор, – неужели все дело в его неумной фантазии?

Секунды тянулись, словно вечность; Роберт постарался взять себя в руки и думать логически, хотя больше всего ему хотелось распахнуть окно и наброситься на это проклятое существо. Однако он понимал, что таким образом он лишь разбудит Сюнну и Кьяртана.

Фигура в черном по-прежнему неподвижно стояла в саду. Тогда Роберт выскользнул из спальни, поспешил к входной двери и попытался отпереть ее как можно тише. Повозившись с чертовой цепочкой, он выбрался наконец наружу и бросился в сад. На все ушло не больше минуты, но и этого

оказалось достаточно – теперь в саду не было ни души. Роберт огляделся по сторонам, но никого не увидел. Лишь каменитка старого кладбища Хоулаветлир, что располагалось через дорогу, слегка покачивалась, будто кто-то совсем недавно ее открывал.

В голове у Роберта мелькнула мысль броситься в темноту и как следует обследовать территорию кладбища, но он прекрасно понимал, как легко запутаться в этом лабиринте, да и отдаляться от своего жилья было теперь не совсем разумно.

Лишь снова оказавшись в доме, он почувствовал, что весь дрожит.

11

Видавший виды красный автомобиль Исрун все еще служил ей верой и правдой, но она отдавала себе отчет, что он может выйти из строя в самый неподходящий момент. Как бы то ни было, в это хмурое мартовское утро он без всяких инцидентов доставил ее на работу.

Затянутое тучами небо отражало ее внутреннее состояние – это вечное томление из-за того, что болезнь стала брать свое. Исрун постоянно думала о том, какой поворот примут события, и размышляла об этой болезни и на работе, и после работы, и по ночам, когда ее мучила бессонница.

Получив журналистскую премию, Исрун обрела право выбирать задания, которые были ей по сердцу. И Мария, как

главный редактор, решила (к неудовольствию Ивара), что Исрун нужно заниматься новостями, которые имеют отношение к полицейским расследованиям.

Однако на ее собственное душевное состояние все те трагические события, о которых она готовила репортажи, оказывали далеко не лучшее воздействие (впрочем, прослушав курс психологии, Исрун сильно сомневалась в существовании души).

В начале года, например, прошла новость о покушении на убийство на севере страны, когда пьяный злоумышленник напал на своего старого знакомого из-за разногласий по поводу наследства их общего друга. Потом в ночном заведении в Коупавогюре изнасиловали девушку. Преступника не поймали и даже не идентифицировали: его лица, наполовину скрытого капюшоном, пострадавшая не разглядела, она лишь слышала те скабрёзности, что он шептал ей на ухо, пока совершал свое грязное дело. Данное происшествие Исрун было особенно тяжело освещать, поскольку она и сама оказалась жертвой насилия несколько лет назад. Она пыталась свыкнуться с этим горьким опытом, но рассказать о нем смогла единственному человеку – другой женщине, которая пострадала от того же подонка. Исрун старалась убедить себя, что все это осталось в прошлом, но тягостные подробности все время всплывали в памяти, и именно тогда, когда она меньше всего ожидала.

И вот еще один необъяснимый случай насилия. Всего

неделю назад скончалась молодая женщина, пролежавшая в коме два с лишним года, после того как на нее без всякой видимой причины напали в ее собственном доме в Рейкьявике и нанесли ей страшный удар бейсбольной битой. В тот вечер будущий муж несчастной был на работе, и она коротала время в одиночестве. Каждый раз, когда происходило что-то подобное и преступник оставался на свободе, Исрун становилось невмоготу.

Она пыталась не принимать все эти ужасные вещи близко к сердцу, но удавалось ей это далеко не всегда. Чтобы оставаться в хорошей форме, Исрун старалась как следует выспаться. Хотя сколько требуется сил, чтобы пережить, например, нынешнюю непростую неделю? После вчерашней ночной смены ее ожидала целая череда дневных.

Тем не менее Исрун была во всеоружии и уже договорилась об интервью с полицейским из Сиглуфьордюра. Их короткое общение по телефону доставило ей удовольствие – полицейский оказался на редкость искренним человеком. Повесив трубку, Исрун по старой привычке набрала его имя в поисковике – ей хотелось посмотреть, как он выглядит. Однако никаких результатов поиск не дал. Что за таинственная личность!

Когда ее вчерашняя смена подходила к концу, Исрун позвонил отец. Он поинтересовался, как прошла ее поездка на Фареры и все ли в порядке у мамы. Из гордости он не хотел спрашивать ее о самом главном, а именно собирается ли Ан-

на вернуться домой, и ходил все вокруг да около. Отчасти Исрун было жаль отца, и она старалась насколько возможно его приободрить, уверяя, что ситуация изменится, хотя ее уверенность совершенно ни на чем не основывалась.

А еще позднее ей позвонила мать, чтобы осведомиться, нормально ли она долетела, хотя больше всего ей, несомненно, хотелось узнать, разговаривала ли Исрун с отцом, но спросить об этом напрямую она так и не решилась. Родители были просто два сапога пара – они идеально друг другу подходили.

На утренней планерке Исрун получила свою порцию редакционных заданий. Ей предписывалось продолжать отслеживать ситуацию в Сиглуфьордюре, а кроме того, подготовить репортаж о ночном происшествии на Хабнарстрайти, где избили человека. Полиция выясняла обстоятельства случившегося.

Но самая главная новость дня распространилась уже после того, как утренняя планерка закончилась. Ивар и Мария вызвали Исрун для разговора.

– Для тебя появилось новое задание, – как обычно, с места в карьер, начала Мария, не успев Исрун переступить порог ее кабинета.

Исрун, сердце которой забилося чаще, присела на стул в ожидании того, что ей скажут.

– Дело деликатное, – продолжила Мария. – Касается Этлerta Сноррасона.

Перед внутренним взором Исрун тут же возникло лицо уважаемого пожилого политика, исполненное достоинства и спокойствия. Ей приходилось брать у него интервью. Неужели он на старости лет вляпался в какой-нибудь скандал, вместо того чтобы наслаждаться заслуженным отдыхом?

– Вчера вечером его сына сбила машина, – произнесла Мария после сделанной для пущего эффекта паузы. – В промышленной зоне Коупавогюра, на Смидыювегюр. Свидетелей нет, а водитель с места происшествия скрылся.

– И как он? – спросила Исрун.

– Судя по всему, скончался на месте.

Они выдержали несколько секунд тишины, словно в память о погибшем.

– Я возьму это на себя, – сказала затем Исрун.

– В полиции к данному происшествию относятся очень серьезно, – сообщила Мария. – Видимо, машина шла на большой скорости, хотя эта улица к быстрой езде не располагает. Из-за вчерашнего дождя условия на дороге были просто отвратительные, но полиция не исключает и того, что наезд был совершен намеренно.

– Мы сообщим об этом в вечерних новостях? – осведомилась Исрун.

В беседу вступил молчавший до сего момента Ивар, и по его тону было не сложно догадаться, что этот вопрос возмутил его до глубины души.

– Естественно.

– И имя пострадавшего назовем?

Данное уточнение застало Ивара врасплох, что было совсем не типично, и он перевел взгляд на Марию.

– Возможно, – ответила та. – Посмотрим, упомянут ли его по имени где-нибудь еще в течение дня. Личность он известная – в свое время был завсегдатаем ночных заведений, пока не перешел на наркотики. А еще, насколько я знаю, он был музыкантом – выступал перед публикой, хоть и без особого успеха. – Она сделала паузу, а потом добавила с многозначительным выражением лица: – Кроме того, безусловно, нельзя забывать, что он был лучшим другом нашего уважаемого премьер-министра. Это уже само по себе отдельная глава, почти сказочная история: друзья детства, один достигает немыслимых карьерных высот, а второй превращается в наркомана, и вот однажды темным дождливым вечером его насмерть сбивает машина.

– Может, мне попросить Мартейнна дать свой комментарий? Это вообще допустимо, если речь идет о политике такого высокого ранга?

Исрун обратилась с этим вопросом к Марии, но в разговор снова вмешался Ивар:

– Поступай как знаешь. Мне нужен полноценный репортаж.

Исрун кивнула и, снова обращаясь к Марии, сказала:

– Пока не забыла... Я собиралась сделать сюжет о вирусе в Сиглуфьордюре для нашего расширенного выпуска. Могу

я этим заняться?

– Ну конечно, – с улыбкой ответила Мария.

Одобрение Марии, бесспорно, польстило самолюбию Исрун, а при виде завистливого выражения на лице Ивара у нее потеплело в душе.

12

Ночь прошла спокойно.

Чтобы просмотреть материалы, которые Ари получил от Хьединна, требовалось время. В конце концов Ари начал клевать носом и решил, что лучше пойти домой и вздремнуть. В участок он вернулся ближе к вечеру.

– Здорово, профессор! – радостно приветствовал его Томас, хотя радость его была несколько наигранной. – Нашел тебе документы. – Томас говорил тоном отца, который пытается задобрить своего капризного ребенка.

– Документы? – удивился Ари.

– Ну да, старые отчеты о смерти женщины в Хьединс-фьордюре.

– Ах да! Вот спасибо.

– Они в папке на твоём столе. А ещё я собирался рассказать тебе о... Сандре.

– О Сандре? – переспросил Ари. Неужели со старушкой что-то стряслось?

Он дважды встречался с Сандрой в связи с расследовани-

ем смерти пожилого писателя из Сиглуфьордюра двумя годами ранее. Она была очень любезной и отзывчивой. Впоследствии Ари время от времени заходил ее навестить в дом престарелых – минимум раз в месяц, – и между ними установились дружеские отношения.

Ближайших родственников у Ари уже не было на свете, так что Сандра со своим теплым к нему отношением в некотором смысле заполнила эту лакуну. Их беседы были сродни путешествию во времени – Ари будто переносился в прошлое, когда жизнь еще не была такой запутанной.

– Ее положили в больницу, – сказал Томас.

– В больницу? – встревожился Ари. – Она что, заразилась?.. – Он запнулся. Разумеется, Ари понимал, что Сандра не вечная, но был совершенно не готов снова переживать горечь утраты близкого человека. По крайней мере, сейчас.

– Ну, это вряд ли, – ответил Томас. – Вероятно, обычный грипп.

– А я вчера позвонил той журналистке, – сказал Ари, чтобы сменить тему: ему совсем не хотелось обсуждать болезнь пожилой женщины. – Она попросила дать ей интервью о ситуации в городе. Что думаешь?

– Решай сам, профессор.

Ответ Томаса Ари не удивил: тот не любил быть в центре внимания и сторонился прессы.

Между тем Ари задавался вопросом, почему Исрун до сих пор не перезвонила. Может, решила вообще не брать у него

интервью? А он-то, честно говоря, был бы рад пообщаться с журналисткой. А потом позвонил бы Кристине и рассказал, что у него взяли интервью для телевидения.

Кристина звонила ему утром.

– Я слышала, что медсестра скончалась. Это просто ужасно, – произнесла она, когда Ари взял трубку.

– Да уж.

– А ты сам... не боишься, Ари?

– Да нет, – солгал он. – Это все пресса раздувает. Нужно просто соблюдать меры предосторожности.

– Но все же старайся поменьше выходить из дому.

– Да какая разница, дома я или где-то еще? – отмахнулся Ари. – Город будто вымер.

Ари расположился за своим столом, чтобы почитать старые полицейские отчеты, однако полезных сведений из них не почерпнул – написаны они были скучным канцелярским языком. Йоурюнн скончалась мартовским вечером 1957 года, отравившись крысиным ядом, который был подмешан в кофе. Погода тогда стояла отвратительная, так что сразу добраться до фермы врачу было просто невозможно. Все домочадцы утверждали, что яд хранился в банке, которая находилась в кухне, и на вид ее можно было перепутать с той, в которой был сахар. К моменту приезда полиции и врача Йоурюнн уже скончалась, однако она успела сообщить своим родственникам, что насыпала в кофе яд по ошибке. По крайней мере, так они в один голос заявили.

Закончив чтение, Ари едва ли не отшвырнул папку – он не верил ни одному слову из этих отчетов. Разумеется, он понимал, что это те объяснения, которые удалось получить полиции, но ставил под большое сомнение их достоверность. Они представлялись ему слишком банальными для такого неоднозначного происшествия. Видимо, в тех суровых условиях никому не хотелось раскачивать лодку и докапываться до правды, раз уж все три свидетеля были единодушны в своих показаниях.

Самым любопытным в этих отчетах было, по оценке Ари, то, что в них отсутствовало. Выходило, что в тот вечер в доме находились лишь супруги Йоурюнн и Мариус и еще одна пара – Гвюдмюндюр и Гвюдфинна, родители Хьединна. Сам Хьединн, разумеется, тоже присутствовал, но ему было всего около десяти месяцев от роду. А вот запечатленный на фотографии подросток будто испарился.

У Ари не заняло много времени отыскать номер телефона Общества уроженцев Сиглуфьордюра в Рейкьявике, и его следующий звонок был человеку, который отвечал за организацию того самого вечера фотографий. Не представляясь полицейским, Ари просто сказал, что его интересует определенный снимок. Человек на другом конце провода не выказал удивления, а лишь спросил, о каком снимке идет речь.

– Групповая фотография из Хьединсфьордюра, – ответил Ари. – Две женщины, один...

Закончить предложение ему не дали.

– Да-да, помню такую. Нечасто к нам попадают фотографии из Хьединсфьордюра. На том снимке были Гвюдмюндюр и Гвюдфинна, они из Сиглуфьордюра. Когда у них ничего не вышло с фермой, они вернулись обратно. Насколько я помню, это произошло сразу после несчастного случая. – На последних словах он немного понизил голос.

Нарушать возникшую паузу Ари не спешил.

– Вы тоже их родственник? – спросил его собеседник.

– Нет, но я немного знаком с их сыном. Я просто хотел выяснить, как к вам попала эта фотография.

– Ах вот оно что! Значит, вы знакомы с Хьединном? – спросил мужчина и, не дожидаясь ответа, продолжил: – Замечательный человек.

– Они ведь были уважаемыми людьми? – уточнил Ари. – Я имею в виду Гвюдфинну и Гвюдмюндюра.

– Ну да... Гвюдмюндюр был человеком замкнутым и решительным. Ссориться с ним охотников не было. Свои интересы он знал прекрасно, оборотистый такой... Начиная молодым парнем в рыболовстве, а потом и свои фирмы открывал – состояние сколотил приличное, так что на одну неудачу, я имею в виду Хьединсфьордюр, вполне имел право. Хотя, думаю, та авантюра дорого ему обошлась. Видимо, вдохновился романтикой заброшенного фьорда. С тех пор там так никто и не живет.

– А его жена?

– Она родом из Рейкьявика. И ее сестра тоже – та самая,

что умерла. Даже не вспомню, как ее звали.

– Йоурюнн, – подсказал Ари.

– Да-да, Йоурюнн. А вот мужа ее, помню, звали Мариус. Фотография, кстати, к нам от него и попала. Сестры были вроде как одного поля ягоды – совсем не приспособлены к жизни в той глуши. Такое существование не каждому по плечу. Вот Йоурюнн яд и выпила.

– А это точно? – спросил Ари.

– Ну... я не помню, какая там была официальная версия, но сомневаться в ней особо не приходилось. Представьте только, какая там суровая зима – ни тебе электричества, ни телефона. Да и в Сиглуфьордюре жизнь была не сахар. Я вот тоже давно в Рейкьявик переехал – поближе к родным, – сообщил мужчина с ноткой грусти в голосе.

– Так вы говорите, что фото попало к вам от Мариуса? А он разве еще жив?

– Нет, конечно. Уже два года как умер. Все унаследовал его брат, и пока он разобрался со всем имуществом, прошло время. И как-то зимой он позвонил нам в Общество. Вернее, не он, а медсестра из дома престарелых, где он сейчас живет. Она сказала, что после Мариуса осталось две коробки фотографий, а его брат хочет их передать нам. Мы поместили их в наш музей, а часть показали на вечере фотографий. Даже не представляете, сколько людей мы узнаём на снимках, когда устраиваем такие вечера! – воодушевленно заключил мужчина.

– А у вас нет номера телефона брата Мариуса? – поинтересовался Ари.

– Увы, но я знаю, что это за дом престарелых. Думаю, номер вам удастся раздобыть. – Дав Ари более подробные объяснения, он добавил: – Ему уже лет за девяносто, дай бог ему здоровья. А зовут его Никюлаус Кнутссон.

Ари поблагодарил мужчину за помощь и повесил трубку.

13

Психолог старался ему помочь.

– Эмиль, расскажите, как вы себя чувствуете?

Никакой реакции.

– Тогда напишите, Эмиль, если вам так легче, – говорил он отеческим тоном.

И снова тишина.

Эмиля будто выключили, как лампочку. Говорить у него не было ни желания, ни сил – а уж тем более о ней.

Эмилю было двадцать семь лет. Он покинул родительский дом, когда одобрили его заявку на студенческую квартиру. С цифрами он был на «ты», и, чтобы принять решение изучать экономику и управление, много времени ему не потребовалось. Успешно завершив трехгодичный курс обучения, он подумал, что степень бакалавра может подождать, и взял паузу. Ему предложили хорошую должность в одном из крупных банков, где он до сих пор и числился. Однако на данный

момент Эмиль находился в отпуске по болезни, конца которому пока не предвиделось.

Некоторые из его товарищей пошли своим путем и, пользуясь полученными знаниями в области управления бизнесом, основали собственные фирмы, но Эмиль для себя такой вариант не рассматривал – ему не хватало энергии и новаторского духа.

По окончании учебы он приобрел небольшую квартиру в городке Вогар, что по соседству с Рейкьявиком. Родители добавили Эмилю денег на предоплату, а банк одобрил ему ипотеку для выплаты оставшейся суммы. Год спустя Эмиль познакомился с Бильгьей, которая работала в том же банке и была на курс младше его в университете. Эмиль обратил на нее внимание уже во время учебы, но лично они не общались. Отношения молодых людей завязались на одном из корпоративов, устроенных банком. Не успела Бильгья и глазом моргнуть, как уже жила в квартире у Эмиля. Они стали не просто любовниками, а закадычными друзьями, которые проводили все время вместе и строили грандиозные планы на будущее.

И вот Бильгьи не стало.

Она будто растворилась в сумерках.

Это случилось в промежутке между наскоро приготовленным ужином и сном, который так и не пришел.

Они еще собирались избавиться от допотопного «икеевского» дивана и приобрести новый.

На полпути между его предложением и несостоявшейся свадьбой.

В тот вечер Эмиль остался на работе сверхурочно. Оглядываясь назад – а возможностей для этого у него было хоть отбавляй, поскольку, видит бог, он размышлял о случившемся день и ночь, – он признавал, что работа могла и подождать. Ему казалось само собой разумеющимся время от времени работать допоздна и уходить из банка последним – все-таки это важно для продвижения по служебной лестнице. В честолюбии Бильгя Эмилю не уступала, но именно в тот вечер она была дома. Она подумывала о том, чтобы осенью продолжить обучение, и уже начала штудировать учебники – за много месяцев до начала занятий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.